

Матьяна
Веденская

Маленькая
ЖЕНЩИНА
♥

Татьяна Веденская

Маленькая женщина

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158102

Татьяна Веденская. Маленькая женщина: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-36539-5

Аннотация

Не так то просто радоваться жизни, если она регулярно подкидывает тебе неприятные сюрпризы. Но современная женщина привыкла к неприятностям и сумеет преодолеть все трудности...

Вот и к фельдшеру неотложки Маше судьба была не слишком благосклонна: довелось пожить в лагере для беженцев, услышать от человека, с которым прожила вместе двенадцать лет, что больше ему не нужна... Как же тут не ожесточиться? Как не стать циником и не потерять веру в то, что обретешь счастье? Но в глубине души Маше все равно верит, что все образуется...

Книга также издавалась под названием «Траектория птицы счастья».

Содержание

Часть первая	4
Глава первая,	4
Глава вторая,	24
Глава третья,	45
Глава четвертая,	62
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Татьяна Веденская

Маленькая женщина

Огромная благодарность:

Венере – богине Ремонта, за мысли, которые она невольно породила в моей душе.

Одному спасателю с зелеными глазами – за чудесный рассказ о его работе.

Алисе, боевой подруге, – за то, что она есть в моей жизни.

Моему мужу Игорю – прекрасней тебя нет никого на свете.

Часть первая

Понаехали!

Глава первая, в которой я порочу образ советской женщины

Кто бы мог подумать, что я окажусь способной на такое! Кинуться в объятия первого встречного, словно я мартовская кошка, а не серьезная женщина с большим опытом и

сильным рациональным началом. Точнее, я всегда старалась такой быть, понимая, что в жизни хорошо живется только прагматикам. В своем рационализме я не дошла до цинизма. Но и до романтической дурочки мне далеко. То есть было далеко, вплоть до сегодняшнего дня, когда я бросилась в омут, позабыв последний разум. Что это было? Весеннее обострение? Так на дворе лето. Или у меня такой особо затянувшийся приступ эротической эпилепсии? А вдруг это... любовь? Нет, конечно! Любовь? Я смеюсь вам в лицо, но на всякий случай скрещиваю за спиной пальцы. Ибо не дай бог... Только этой проблемы мне сейчас и не хватает! Не подумайте, что я жалуясь на жизнь. Просто поверьте на слово – я знаю, что такое проблемы. Однако сейчас моя жизнь – практически лучезарный автобус, направляющийся в светлое будущее. Будущее, которое я капля по капле продумала, выцедила, выносила и теперь воплощаю в жизнь. Я не против здорового секса в свободное от работы время, но если говорить в целом, то мужчины еще ни разу не помогли мне решить проблемы. Они их только создавали. И что теперь? Любовь? Ну уж нет, только не сейчас, когда все стало приходить в какую-никакую норму. Только я начала прилично жить, как вдруг Любовь! Это смешное слово разбило жизнь не одной наивной дурочке, поэтому я, во что бы то ни стало, решила считать свой поступок кратким приступом буйного помешательства, при котором пациент неконтролируемо срывает с себя одежду и несет всякую чушь, строя глазки

совершенно постороннему мужику. Ну и что, что мне хочется махнуть на все рукой и бежать к нему без оглядки! На то человеку и дан Жизненный Опыт, чтобы суметь вовремя заткнуть фонтан своего темперамента. Но обо всем по порядку.

Принято считать, что женщины любят ушами, а мужчины – глазами. Не знаю, как у вас, а в нашем развеселом трудовом коллективе мужчины в основном любят руками. И прочими частями тела. И если уж они пользуются языком, то не для того, чтобы выдать из себя парочку комплиментов. Слова они оставляют при себе. Я работаю фельдшером на «Скорой помощи», а это место, как известно, максимально приближено к боевому рубежу. Опасность, экстрим, близость смерти – все это не только пугает, но и возбуждает. Поэтому на «Скорой» романы случаются чаще, чем выпивоны.

Странное дело, отчего все так уверены, что врачи «Скорой помощи» пьют? Думается, это последствие популярных в народе анекдотов. Однако реальность заключается в том, что если кто и может пить на работе – то только не доктор в синей форме, раскатывающий по городу в «Газели» с красной полосой. Невролог из республиканской больницы – пожалуйста, терапевт районной поликлиники – всенепременно, а для медбрата из травмы это вообще святое. Но в «Скорой» невозможно. Даже если не поймает линейный контроль, который, надо заметить, лютует хуже вашего ГИБДД и тоже заставляет дышать в трубку. Хотя, скорее всего, пой-

мает. Вопреки всеобщему заблуждению, пациенты обычно отрицательно относятся к запаху перегара и всенепременно пожалуются начальству. Оно тут же стукнет линейному контролю, и на подстанции вас будут ждать люди с трубкой в одной руке и заявлением о вашем уходе в другой руке.

Но даже если пить аккуратно, на смену являться максимум с похмелья, а на работе старательно жевать какой-нибудь ядреный орбит, все равно вылетишь. Как миленький. Ибо нашего ритма не выдержит ни один пьянчужка. У нас, откровенно говоря, и трезвенникам тяжеловато. Так что остается? Конечно же, любовь, которая при нашем здоровом медицинском цинизме совершенно не противоречит соблюдению трудовой дисциплины. Я же, хоть никогда не являлась поклонницей спонтанного секса на рабочем месте, вполне одобряла подобный расклад. Мне нравятся стабильные отношения, но я предпочитаю не вступать в слишком глубокий контакт с мужчинами. Так безопаснее. Мое тело – это еще куда ни шло, но не лезьте, пожалуйста, ко мне в голову.

Они и не лезли, наши мужики. Да и с чего бы, если и так неплохо. Романтика, а ответственности никакой. Меня это тоже устраивало. Я с трудом могу представить себя внутри какого-нибудь сложного, выматывающего романа. Спасибо, кушайте сами, а я уже сыта. Так сыта, что и вспоминать не хочется. Я бы и не вспоминала, если бы не сегодняшний инцидент, из-за которого я последовательно отреклась от всех своих годами выработанных заповедей. Не доверяй, не ве-

дись, не влюбляйся. Не рассчитывай, не мечтай.

А началось все с того, что меня попросили посмотреть больного. Почему-то, если у людей есть знакомый врач «Скорой помощи», они навсегда забывают телефоны и адреса поликлиник и больниц. И с щенячьей преданностью звонят тебе, чтобы «просто посоветоваться», а в результате я, как правило, мчусь к черту на рога, чтобы лично посмотреть на волдырь или мозоль.

– Машенька, ты не могла бы зайти к Раисе Палне в тридцать вторую? – ласково спросила меня в то утро Полина Ильинична, моя бабуля, квартирная хозяйка, у которой я жила вот уже три года. Три лучших года, которые я провела в одиночестве. Поэтому я не могу ей ни в чем отказать.

– А что с ней такое? – У меня только что закончилась тяжелая смена, я пришла домой в расслабленном, меланхолическом настроении и мечтала только отоспаться.

– Голова кружится, вдруг давление подскочило? Деточка, она говорит, что у нее в глазах двоится. Вдруг предынсультное состояние. Ты бы глянула!

– Ладно. Какая квартира? – обреченно кивнула я. Моя старушенция и сама обожает болеть и лечиться и втягивает в это всех своих любимых подружек по старости и двору.

– Тридцать вторая. Это в первом подъезде. Душа моя, вы ангел!

– Ага, конечно, – уныло согласилась я. Хотя старушки, которые меня вызывали таким образом, как правило, подки-

дывали каких-никаких денег. А деньги мне никогда не могли помешать. И хотя сейчас в «Скорой помощи» положение стабилизировалось, особенно если сравнивать с серединой девяностых, когда я только приехала в Москву, зарплаты все-таки оставались на грани выживания.

– Последний этаж. Ее зовут Раиса Пална! Не забудь! – прокричала вслед Полина Ильинична. Можно подумать, мне есть дело до того, как зовут очередную бабуся с давлением, которой хочется укола и душевной беседы о ее здоровье. Я пересекла двор нашего большого П-образного дома в Песчаном переулке, что недалеко от «Сокола», и подошла к первому подъезду. Наш дом был старым. Его построили в сталинские времена для партийной элиты средней паршивости. Трехметровые потолки, изящный плиточный фасад с темно-коричневой каймой, тяжелые лестницы, красивый парк вокруг. Чудесное место, где живут такие же состарившиеся вместе с домом люди. Бабушки в нашем доме составляли лидирующее большинство. Они сбивались в стайки и, как воробушки, клевали у подъезда. Клевали носом и клевали непрошенных прохожих, которые шли по двору в надежде срезать дорогу до метро.

– Ходюте! Что вам, тротуаров мало, иродам? Ходюте и ходюте.

– У себя дома небось не топчут траву!

– У себя небось забором все обнесли.

– А на нас правительство экономит, ворюги!

– Воруги, точно. Здравствуй, Машенька, – любезно растекаются в улыбку морщинистые лица безобидных сплетниц. Меня они любят. Каждая из них хоть раз да просила меня сварганить укольчик или померить давление.

– Добрый день, – рассеянно кивнула я.

– Так еще ж утро, – улыбнулся партер. – Ты со смены, что ль?

– Угу, – кивнула я и прошлепала внутрь.

Лифт по необъяснимым причинам не работал. Не работал именно в этом подъезде, потому что в своем я прекрасно докатилась до пятого этажа. А тут до девятого этажа мне пришлось топтать пешкарусом, отчего мое настроение окончательно испортилось. Я хоть и врач, а живой человек, к тому же покуривающий. Одышка и стук в висках – совсем не то, что может порадовать усталого медика. Да еще и дверь несчастной тридцать второй квартиры оставалась недвижима. Я звонила, а из-за двери раздавалось эхо. Дверь была равнодушна и безучастна.

«Не дай бог, insult. Это ж я вообще поспать не смогу», – подумала я.

Отдышалась, огляделась и пришла к выводу, что даже найти слесаря для взлома займет целый час, а там, может, бабуса коньки отбрасывает. Прямо сейчас. Я последний раз надавила кнопку и бросилась вниз. Черт-те что, а не день!

– Кто там? – раздался вдруг сверху сонный и явно не старушечий голос. Мужской, я бы сказала. Интересно девки

пляшут, что ж он сразу не открыл? Я уже до седьмого спустилась, так что пришлось снова подняться на девятый. Козлы! Все!

– Где Раиса... как там ее... – задыхаясь, спросила я. На меня непонимающе смотрел заспанный помятый мужик лет сорока, в тапочках на босу ногу и в женском байковом халате. Глаза голубые, красивые. А все остальное неопределенно из-за того, что мужик в эту минуту только разлепил глаза.

– Павловна?

– Да. Позвольте пройти? – я отодвинула его и зашла в квартиру.

– Она ушла! – посеменил он за мной вдогонку.

– Как ушла? Куда? – несколько растерялась я. – А инсульт?

– Какой инсульт? – помрачнел мужик.

– Обыкновенный! Врача вызывали? – я окончательно разъярилась.

– Мы? – совершенно искренне удивился мужик. – Нет.

– Это тридцать вторая квартира? – на всякий случай уточнила я.

– Ну, естественно, – кивнул тот. – Только вот ни инсульта, ни тети моей дома нет! Ушла на рынок. Зайдите завтра!

– Знаете что... Идите вы в баню. Я со смены, мне ваши шуточки ни к чему, – я развернулась и пошла к выходу.

– Так вы доктор? – Доходит долго. Реакции замедленны. То ли со сна, то ли просто такой от природы.

– И что? – сквозь зубы процедила я. Понятное дело, что злиться нехорошо и что мужик, собственно, ни в чем не виноват, но мне хотелось спать, курить и кусаться.

– А доктора, они все такие злые? – заинтересовался мой собеседник.

– Поголовно! – я стояла на лестничной площадке и судорожно жала кнопку лифта.

– Лифт же не работает, – ехидно подметил этот негодяй. Надо сказать, что он несколько пришел в себя, стряхнул сонливость и с интересом меня разглядывал. Я с досады стукнула кулаком по сетке лифтовой двери. Она гулко загудела.

– Достали вы меня все, – совершенно искренне молвила я. И пошла к лестнице.

– А можно, я вас напою чаем? – неожиданно сказал незнакомец.

Я обернулась, чтобы проверить, не издевается ли он. Он широко улыбался.

– С чего бы?

– Ну. Чтобы компенсировать вам ложный вызов. Я так понимаю, что тетушка вам про свое головокружение рассказала.

– Ага, – я кивнула. – Тока не мне. Этот бабкин испорченный телефон – просто бедствие.

– Проходите же! Да не стесняйтесь, – он явно не шутил.

Я подумала-подумала, да и вошла в дом. Во-первых, мне было лень снова переться по лестнице. Хоть и вниз, а далеко.

Во-вторых, дома-то мне чай придется делать самой. Да и не с чем его дома пить. А тут, может, какая баранка найдется. К тому же они действительно меня дернули попусту, пусть теперь хоть угощают.

– Так и что головокружение? – из вежливости поинтересовалась я. Чтобы поддержать разговор. И постаралась не думать о том, что заходить к незнакомым мужчинам на чай – это точно не в моем стиле. Тем более к мужикам в старушечьем халате. Не иначе как он чем-то меня заинтересовал. Мне тридцать пять лет, я давно уже прекрасно себя изучила. Я еще не успела спросить, как его зовут, а мое тело уже сделало стойку. Такое чувство, что в нас встроен некий подсознательный гормональный анализатор. Механизм точный, почти не дающий сбоя, он определяет, подходит ли тот или иной мужчина в наши партнеры. А может, даже не гормональный, а генетический анализатор. Вот только он никак не определяет, хороший ли человек нас к себе тянет или подлец. Только ДНК-совместимость. А жаль.

– Вы садитесь, пожалуйста. Сейчас я вас напою своим фирменным чаем, – мужик бегал из угла в угол старенькой обшарпанной кухни.

– Фирменным? Это как? С клофелином? – ни с того ни с сего ляпнула я. Мужик расхохотался.

– Смешные вы, медики. С клофелином. Скажете тоже! Меня зовут Дима. А вас?

– Дима? – внутри екнуло. Ну, почему бы ему не зваться

каким-нибудь Сережей или Славой? Что, на свете совершенно не осталось других имен?

– Вас тоже зовут Дима? – он делано удивился.

– Я Маша, – ответила я и замолчала. Мне захотелось уйти.

Димой звали мое самое большое разочарование. Меньше всего на свете мне хотелось вспоминать ту историю. Если только можно сказать про самый большой жизненный облом, что это «та история». Такое или почти такое же случилось, наверное, с каждой женщиной, особенно у нас в России. Но мне-то от этого не легче. Поэтому я стараюсь не вспоминать или вообще сделать вид, что ничего не было. Дима? Кто такой Дима? Ах, тот, с кем я вместе жила на «Курской»! Да-да-да, припоминаю. Смутно.

– Не пойму, вы чем-то расстроены? – мужик непонимающе смотрел на меня.

– Я просто устала. Целые сутки работала. Пойду, пожалуй...

– Нет, нет и нет. Не стоит оставлять в себе то, что вас мучает, – совершенно неожиданно заявил он. – Я ясно вижу, что вам чем-то не нравится имя Дима. Я бы и рад соврать, но уже поздно. Неужели мы не можем выпить чаю только потому, что меня не так мама назвала?

– Не в этом дело, – я попыталась отвертеться. Ну не входила в мои планы исповедь. Я достаточно замкнутый человек, особенно с некоторых пор. А о том, что же именно произошло с Димой, вообще не хотела говорить. Ни с кем. И так

в свое время эта история обсасывалась на каждом углу.

– Отлично. Не в этом. Смотрите, Маша, я завариваю для вас вкуснейший земляничный ройбуш, с которым прекрасно сочетается горячее красное вино. Неужели все это не стоит того, чтобы плюнуть на мое имя? – Все-таки он действительно потрясающе улыбался. И когда он сменил халат на шорты и майку, стало ясно, что сорока ему еще нет. Либо только-только. Стройный, подтянутый, с небольшой залысиной, которая его тем не менее не портила. Он чем-то был похож на Кевина Костнера. Может, ледяными голубыми глазами, в которых отражается, с одной стороны, понимание и мудрость, а с другой – знание жизни и трезвый расчет. Он был очень уверен в себе и так красиво жонглировал мисками и кастрюлями, что я невольно засмотрелась.

– Что такое ройбуш?

– Это такой напиток, внешне похожий на чай, но он не содержит кофеина. И очень полезный. Понижает давление, – с этими словами передо мной поставили чашку чего-то очень нежного, с тонким земляничным ароматом. Такого я раньше не пила.

– Вкусно, – удивленно подтвердила я.

– Ну, что я говорил? А сейчас будет готов глинтвейн. Уверю вас, такого вы еще никогда не пробовали, – он вошел в раж.

– Что вы, не надо, – смутилась я. – Я до двенадцати не пью.

– Господи, ну что, мы будем спорить из-за каких-то жал-

ких пары часов? – всплеснул руками этот псих ненормальный. Никто еще не спаивал меня с таким напором и изяществом.

– Все-таки это ненормально, готовить глинтвейн незнакомому человеку.

– Как это ненормально? – паясничал он. – Я обожаю спаивать красивых женщин вкусными напитками. И потом, если не будет глинтвейна, то что мы с вами будем пить на брудершафт? Чтобы перейти на «ты»?

– На «ты»? – удивилась я. Обычно со мной совсем несложно перейти на «ты». Для этого достаточно только начать мне «тыкать». Вопрос – зачем столько сложностей и церемоний? Неужели чтобы... целоваться? Это невозможно, мы знакомы всего пять минут! Или возможно?

– Вы понимаете, – снова улыбнулся он, вручая мне дымящийся ароматный бокал, – мне так одиноко в этом незнакомом чужом городе. И вдруг... на пороге материализуется чудесное видение – доктор, спешащий спасти жизнь моей сумасбродной старушке тетушке. Как же я могу упустить такую возможность?

– А кстати, куда она все же делась? Ваша тетушка с приступом? – перевела разговор в более безопасное русло я.

– О, у нее были страшные боли и головокружения. Она стонала и причитала весь вечер.

– Даже моей Полине Ильиничне пожаловалась, – фыркнула я.

– Видимо. Но потом ей позвонила какая-то знакомая и сказала, что на рынке в Химках продают фантастически дешевые и вкусные клубники. Или черешни. Я не понял. С утра тетушка выздоровела и велела ее не ждать. Она накупит этих клубник или черешен и поедет к химкинской знакомой куролесить.

– Все ясно, – хмыкнула я.

– Так что, переходим на «ты»? – понизив голос, спросил он. Я постаралась не заикливаться на том, что он – Дима. В конце концов, я же не собираюсь с ним... ничего не собираюсь.

– Переходим, раз без этого никак, – дурашливо кивнула я.

Мы, смеясь, переплели руки и, жеманясь, выпили. Все время мы оба делали вид, что это такая вот игра для взрослых. Мы просто шутим, балуемся. И вот, когда горячее вино обожгло меня изнутри, я увидела, как он склоняется надо мной. И это уже было не смешно. Я поняла, что сейчас самое время поставить самоуверенного нахала на место. Что он себе позволяет! Целовать совершенно незнакомую женщину, доктора! Как можно! Да еще и так целовать, чтобы у нее самой практически началась тахикардия!

– Маша, ты просто чудо. И откуда ты тут такая взялась? – хрипло спросил он, с трудом оторвавшись от меня.

– Интересный вопрос! Это ты откуда взялся? Я-то тут живу!

– Я приехал из очень далекого северного города, в кото-

ром живут только огромные олени, медведи, снега и ресурсодобывающие предприятия. Все, кроме красивых женщин! – выдал на-гора он. Я растерялась. И от новости про далекий город, и от термина «красивая женщина». Обычно я тянула на «О, а ты ничего!».

– Где? Откуда?

– Из Ямбурга, моя принцесса. Но не думаю, что тебе это хоть что-нибудь говорит, – он усмехнулся и снова принялся меня целовать, хотя официальный повод к поцелуям, мы, что называется, уже отыграли.

В нашем безумном мире вступить в сексуальную связь легче, чем в дружескую или деловую. Современные взрослые люди могут соединять и разъединять тела, не спрашивая даже фамилии и возраста. Свободная любовь, в которой только ты решаешь, где та грань, за которую переходить нельзя. Например, случайно переспать с соседом – это нормально. Никого не удивит. А вот если бы случилось переспать сразу с двумя, уже можно было бы задуматься, что что-то не так. С моим случайным знакомым я совершенно не чувствовала никаких границ. Он был ласков, обаятелен и смотрел так, словно для него происходящее действительно что-то значит. Мы разговаривали и целовались, целовались и смеялись. И снова целовались так, что уже у меня кружилась голова. Я не могла остановиться, может, потому, что не видела в этом смысла. А может, он был совершенно хорош, а я слишком устала, чтобы думать о морали и том, что приличные жен-

щины так себя не ведут. И потом, кто сказал, что я – приличная. Это тогда, двенадцать лет назад, я была прилична. А теперь – теперь я лежала в тридцать второй квартире, на узкой полутораспальной кровати в объятиях случайного мужчины с глазами цвета льда и чувствовала себя так, словно бы я и вправду влюбилась. А он – он смотрел на меня с нежностью и удивлением ребенка, случайно получившего роскошный подарок на день рождения, который прошел еще неделю назад. Он действительно любил меня глазами, жадно запоминая каждый изгиб моего далекого от совершенства тела, и я плавилась под этими взглядами. Мы были знакомы всего пару часов, но моему телу было совершенно на это наплевать. Оно пело – и под эти песни моя совесть сладко дремала, причмокивая во сне губами. Ну и что такого, что он чужой? Зато какой! Как обнимает, как смотрит. Прикасается губами к моей коже, словно я источник с живой водой. И говорит. Говорит так, что я поняла наконец, что значит – «любить ушами».

– Понимаешь, ведь настоящий дом для мужчины – это женское тело! Посмотри, как ты прекрасна – словно тебя делали специально для меня. Когда я прижимаю к себе женщину – я в самом лучшем из дворцов. Без женщины – настоящей, трепетной, нежной – такой, как ты, мужчина пуст. Он бессмыслен. Ему не к чему стремиться.

– Знаешь, сейчас так думают немногие.

– А, брось. Сейчас мы имеем мир «Большого Потребите-

ля». Все пользуются, и никто не хочет ничего отдавать взамен. Но ведь от этого только нам же и хуже. Можно жить и с резиновой куклой, тоже вариант. Но настоящему мужчине надо, чтобы он был Богом в своем мире. Центром, от которого все зависит. Только тогда он будет счастлив.

– Настоящий мужчина – кто это? – позволила себе сомнения я.

– Ну, я, например, – самодовольно ухмыльнулся он и притянул меня к себе. Я тихо млела в его руках, совершенно не замечая нереальности происходящего. Меня ничего не удивляло, как не удивляет во сне говорящий кактус. Понятное дело, что сон кончится и явь будет обычной, с молчаливыми кактусами. Но пока я сплю...

– Ты? А разве ты не пользуешься ситуацией? Разве ты не потребитель? – съязвила я.

– Ну конечно же нет! – состроил искреннее возмущение он. Я засмеялась и провела пальцем по его груди. Он перекувырнулся и пошел в кухню. Прямо так, в чем мать родила. Я встала и пошла за ним. Он копался в холодильнике, задумчиво изучая его содержимое.

– Хочешь картошки? Жареной? – спросил он. И посмотрел на меня деловитым, обыденным взглядом. Я вдруг почувствовала, что пора уходить.

– А, да нет. Спасибо. – Я одевалась. – Мне пора вообще-то.

– Тебе точно нельзя остаться? – спросил он, жуя картош-

ку. Я против воли засмеялась, так комично он выглядел голым, посреди кухни, да еще и со сковородкой в руках.

– Ты бы хоть о тете подумал! Что будет, если она нас здесь застанет? – шутливо нахмурилась я, изо всех сил затыкая в себе желание дать ему мой телефон. Я прекрасно знала, что он ему ни к чему. Такие вот стихийные знакомства как раз и хороши своей недолговечностью. И в памяти остается бурное незабываемое приключение, похожее на сон.

– Н-да, с нею бы тогда и вправду мог случиться инфаркт, – хмыкнул Дима и пошел нацеплять трусы.

– Инсульт, – поправила его я. И открыла входную дверь.

– Ты уходишь? – он внимательно смотрел на меня из-за дверного косяка. Я до боли прикусила губу, чтобы хоть как-то привести себя в чувство. Не хватало еще сейчас начать вешаться на него и намекать на продолжение банкета.

– Ну да. Думаю, если ты напоишь тетю твоим фирменным чаем и скажешь, что доктор заходил, она будет более чем счастлива. И передумает падать с сердечным приступом.

– Тетю? – растерялся он. – А, ну да. Конечно.

– Ну, приятно было познакомиться, – я кивнула ему и по-скакала к лестнице.

– Ты еще и на «вы» обратно перейди, – обиделся он. Подошел ко мне и долго не отпускал. Целовал. У меня снова закружилась голова. Но я успела отметить, что он никак не попытался договориться о новой встрече. Случайный секс со случайной женщиной, таким он и должен остаться. Я не ста-

ла возражать и пошла вниз. На улице чуть было не расплакалась. Что же я наделала, зачем? Чувство тупого раздражения на себя, на свою дурь начало поедать меня изнутри. Ну неужели нельзя было обойтись без этого фарса? Пара часов удовольствия, стоили ли они того? С другой стороны, я же сама не хочу, чтобы продолжение было. Зачем мне весь этот геморрой, верно? Или хочу?

– Маша! – вдруг окликнул меня голос сзади. Я дернулась. Он стоял у подъезда и с недоумением смотрел на меня. И бабки на лавочке, кстати, тоже.

– Что? – Я проверила, достаточно ли у меня независимый и нейтральный вид. Да, достаточно.

– Скажи, а тебе действительно все равно?! – Он заметил, как бабушки на лавке выставили вперед свои уши-локаторы.

– Что? Что все равно? – я глазами показала на скамейку запасных и быстро отошла от подъезда. Он посеменил за мной.

– Ты только что занималась со мной любовью, потом оделась и ушла, словно ничего не было. Будто ты только послушала меня своим тонометром.

– Стетоскопом, – я улыбнулась. – А что, мне надо потребовать, чтобы ты женился?

– При чем здесь это? Ты бы хоть телефон оставила! Мне стало легче. Честно говоря, мысль, что мы больше никогда не увидимся, как-то не грела.

– Ты и не спрашивал! – возмутилась я. – Зачем бы я стала

создавать лишние сложности?

– Слушай, это ты одна такая сумасшедшая или в Москве все спятили, пока я сидел в тайге?

– Я одна! – гордо подтвердила я.

– Ладно, давай телефон.

– Ты уверен, что он тебе нужен? – продолжала демонстрировать наплевательство я. Конечно, внутри я вся тряслась мелким бесом. С одной стороны, от радости, что это знакомство может иметь продолжение, с другой стороны, от ужаса перед тем же самым.

– Я не уверен, но постараюсь определиться, – почти грубо ответил он.

Я продиктовала цифры домашнего номера и ушла домой, чтобы там, в тиши собственной комнаты, мучиться от бессонницы и воспоминаний. И думать о том, что лучше было бы обойтись без этой треклятой Любви.

Глава вторая, в которой я предаюсь воспоминаниям

Говорят, что настоящая любовь случается только раз в жизни. И еще говорят, что когда она придет, ее ни с чем нельзя перепутать. И, конечно же, все уверяют, что она прекрасна и что жить только и стоит ради этой самой пресловутой Большой Любви. Что ж, если даже и так, то в моей жизни Большая Любовь уже была. Двенадцать лет назад, когда мне было двадцать три года, я покидала город Грозный, только-только похоронив мать. Отец, слава Господу, к тому времени уже умер и не увидел, что произошло с его обожаемым Северным Кавказом. Мы – простые люди, приехавшие в Чечню по направлению предприятия, на котором тогда работал отец. Он выбирал между Таганрогом и Грозным и выбрал последний, потому что в нем нам давали не двухкомнатную, а трехкомнатную квартиру. Когда в начале девяностых все начало сыпаться, словно карточный домик, нас, русских в Чечне, не оставляло чувство некоторой иллюзорности, нереальности происходящего. Мы ходили на работу, я работала в городской поликлинике. Мама много лет болела и после смерти папы совсем не выходила из дому. И вот однажды кто-то на работе сказал, что в городе убивают русских.

– Что ты слушаешь какие-то байки? – отвечали ему. – Нечего нагнетать панику.

– Панику? Я говорю вам, отсюда надо уезжать, пока не поздно, – ответил этот кто-то, я уж не помню, кто. И, как оказалось, был совершенно прав. Потом эти разговоры стали вестись повсеместно, но еще около года все отмахивались от очевидного, надеясь, что милиция возьмет-таки бандитов под контроль.

– А что вы думаете, в других городах нет убийств? – до последнего убеждал меня наш сосед Павел Петрович. А потом на улице из автомата расстреляли его сына. И стало понятно, что милиция самоустранилась. Мне было так страшно, так страшно. По ночам я просыпалась от кошмаров, за мной гнались неизвестные убийцы и хохотали. Я бы уехала сразу, как случился этот кошмар с соседом, но мне было некуда ехать, у нас не было никаких особенных родственников. А мать была в таком состоянии, что переезд «в никуда» мог ее убить. Мы оставались. Я ходила на работу, как на фронт, а на рынок, как на самоубийство. Мать молчала и замыкалась в себе. Конечно, она понимала, какой угрозе я подвергаюсь, оставаясь с ней. Несколько раз она пыталась уговорить меня уехать, но оставить больную мать... это было выше моих сил. Не понимаю, так и не смогла понять, отчего люди, долгие годы ходившие с нами по одним и тем же улицам, вдруг перестали говорить по-русски и повесили на площади плакат «Русские, не уезжайте, нам нужны рабы». Мне до сих пор чудится во всем этом некоторый фарс. Может, какие-то тайные государственные шпионы вели у нас свои игры, чтобы

списать побольше денег на войну и разруху? Впрочем, глобальная политика ровно ничего для меня не значила. А вот попытка затащить меня в машину была очень важной.

Однажды я возвращалась с работы. Я уже почти дошла до дома, когда из не опознанной мной серой машины выскочили двое чеченцев в болотного цвета защитных костюмах и стали заталкивать меня в салон автомобиля. Я визжала, а они смеялись. Собственно, если бы не Дима, куковать бы мне в чеченском зиндане, безнадежно ожидая смерти. Дима проходил рядом, у него в руках был автомат. Это было чудом, я до сих пор уверена, главным чудом в моей жизни. Началась перестрелка, в которой, наверное, по молитвам ангела-хранителя, ни я, ни Дима не пострадали. Чеченцы в военной одежде защитной раскраски что-то долго кричали нам вслед, но не погнались. Их пресловутая смелость испарилась перед дулом Димкиного автомата.

– Откуда ты тут взялась? С ума сошла? Как тебя зовут? – Когда мы влетели в мой подъезд, Дима тряс меня за плечи, пытаюсь вытрясти хоть слово.

– Маша, – жалобно пискнула я.

– Что, русская? А фамилия какая?

– Золотнянская...

– Золото мое, почему ты до сих пор в Чечне? Жить надоело? – Действительно, был девяносто четвертый год, и русских в Грозном практически не осталось.

– Нам некуда ехать, – пролепетала я и принялась рыдать.

– Послушай, сейчас такая ситуация, что ехать надо в никуда.

– Я не могу, – разрыдалась я.

Дима зашел к нам домой и понял, что я говорю правду. Следующие три месяца он жил с нами, сопровождая меня с работы и на нее. Сам он не уехал из Грозного по той же причине – ему некуда было ехать, а в больнице, где он работал, врачи еще ценились. Я говорила, что он оказался травматологом? Еще одно чудо. А потом мама умерла. Умерла во сне, от кровоизлияния в мозг. Вскрытия не проводили, причины смерти в то время уже никому не были интересны. Смертей вокруг стало слишком много. Я прорыдала несколько дней, не в силах пережить все ужасы окружающей меня действительности. Но со временем стало ясно, что в маминей смерти тоже был перст Божий. В девяносто пятом в Чечне начались полномасштабные военные действия, и наш дом был уничтожен, не осталось камня на камне. Если бы мама не умерла, убило бы нас обеих. Она умерла летом, и, уже опуская гроб в землю, я понимала, что немедленно покину свой родной город и больше никогда туда не вернусь.

Чтобы похоронить маму достойно, пришлось отдать квартиру. До первой войны квартиры еще переоформлялись официально, хотя их стоимость уже была чисто номинальной. Моей трехкомнатной квартирке хватило на то, чтобы оплатить место на кладбище, гроб и поминальный стол. И это было более чем щедрое предложение, так что мы с Димой

не переживали. Захоти мы продать квартиру за деньги, мы бы подписали себе смертный приговор. Новости о продаже квартир разносились по городу быстро и всегда долетали до гор. Чеченцы выслеживали получившего денежную сумму и еще до границы убивали. Так что мы покидали Грозный налегке – с документами и чемоданом личных вещей. Три дня на посту недалеко от Буденновска, и с документами, но без личных вещей мы оказались в Ставропольском краю. Вещи экспроприировали в счет свободной республики Ичкерии.

Если в Чечне русские были всем как кость в горле, то в палаточном городке около маленького поселения Тамбукан, поверьте, мы совершенно никому нужны не были.

– Поедем в Москву, – сказал Дима, когда в очередной раз нам порекомендовали убираться из Тамбукана – места, которому «повезло» стать пристанищем для таких, как мы. Дима продержался в палаточном городке два месяца.

– Если вы уедете, то потеряете право на пособие! – предупредил нас чиновник, который занимался вопросами временных переселенцев.

– А если останусь, то потеряю право на жизнь. Я врач! Что вы думаете, мне нужна ваша милостыня?

– Ну-ну! В добрый путь! – ухмыльнулся чиновник.

В девяносто четвертом зарплату врачей по всей РФ приближались к нулю.

– Дима, что мы будем делать в Москве? Там нас уж точно никто не ждет! – испугалась я. После того, как не стало ма-

мы, я окончательно потеряла ориентацию в жизни. Сидела в Тамбукане без сил и желания двигаться вперед.

– Врачи нужны всегда. А большой город дает шансы. У меня есть знакомый, работает на «Скорой помощи». Думаю, он куда-нибудь нас обязательно пристроит.

– Ну, дай бог, – кивнула я. В целом мне было все равно. Дима был моей соломинкой, за которую я цеплялась из последних сил.

Так мы оказались в Москве. С тех пор и по сей день я всегда не к месту. Вечный приезжий, которому никто и никогда не рад. Впрочем, я кривлю душой. Да, в целом Москва крайне отрицательно относится к приезжим, с этим не поспоришь. У меня, например, до сих пор остался ощутимый северокавказский акцент. Я выросла на Кавказе и впитала их способ произносить «к» как «кхе», смягчать все согласные и тому подобное. Я этого не замечаю, но продавцы в магазинах – да. Люди в очередях тоже и милиция, естественно. И без толку объяснять, что я самая что ни на есть русская, с моим выговором здесь я – лимита. Я и миллионы других таких же.

Порой мне интересно, каково реальное соотношение москвичей и приезжих. У меня есть сильное подозрение, что весы давно уже качнулись в другую сторону. Сейчас, по данным наших статистических служб, в дневные часы рабочего дня по Москве разгуливает двадцать восемь миллионов человек. Естественно, я говорю не об официальной статистике, а о данных служб спасения, МЧС и наших сведениях

со «Скорой помощи». Ежедневно огромные толпы людей заполняют пригородные электрички и втекают на московские вокзалы, чтобы отправиться на работу. У них там, в Егорьевске, Клину и Шатуре, работы нет. Все виды транспорта: самолеты, автомобили, переминающиеся в огромных пробках перед МКАДом, – везут в Москву людей.

Конечно, когда мы с Димой только приехали в Москву, этот процесс не зашел еще так далеко. Людей было меньше, но все-таки гораздо больше, чем врачей на московской «Скорой». Там хватались за голову. Многомиллионный город разрастался, как тесто на дрожжах, а количество карет сохранялось на уровне Олимпийских игр восьмидесятого. И сегодня, кстати, это по-прежнему так. И вот, в середине девяностых лечить людей было некому. Опустели больницы, поликлиники, центры травматологии. На «Скорой» в те годы тоже был жесточайший кризис. Зарплату практически не платили, люди утекали как песок сквозь пальцы. Бывало, что на вызов по аварийной травме, где счет идет на минуты, ехать просто физически было некому. Оставалось одно – брать приезжих. Сегодня на «Скорой» работает уже около семидесяти процентов выходцев из российской глубинки и стран СНГ. А тогда еще работали москвичи, которым без зарплаты совсем не нравилось так много и тяжело трудиться. Их можно было понять. Для них были открыты двери в заливающий все золотым дождем русский бизнес. Врачи становились менеджерами, клерками. Кому-то везло, и он оказы-

вался за банковской стойкой. Так что мы с Димой пришли совершенно кстати.

– У вас есть прописка? – это был единственный вопрос, который задали нам с Димой при приеме на работу.

– Город Грозный, микрорайон Минутка, – широко улыбнулся Дима. – Но у нас статус вынужденных переселенцев, мы имеем право поселиться там, где сможем.

– Отлично. Отнесите документы в отдел кадров и садитесь на машины, – радостно кивнул главный врач подстанции на Беговой. У него совсем не было людей, он не успевал приезжать на вызовы к умирающим. Ему было все равно, откуда мы. Тем более что гастарбайтер работает не на страх, а на совесть, помноженную на страх. Мы держимся за наши места всеми четырьмя лапами.

С того момента и началась моя московская эра. Двенадцать лет, восемь из которых я думала, что у нас с Димой Большая Любовь. Дима был сильным и рациональным. Больше всего на свете он хотел стабильности. Большой жизненной стабильности, при которой исключается вариант стояния с чемоданами на улице под дождем. Он с неопишуемым рвением стал строить светлое будущее. А я мечтала по вечерам утыкаться носом в его плечо и засыпать, чувствуя его ладонь на своей груди. И действительно, те, кто пишут о Большой Любви, не врут – это было прекрасно. Хотя и тяжело, именно с точки зрения простого материального выживания. Впрочем, трудности нас не пугали.

С помощью все того же Диминого знакомого мы сняли комнату в самой что ни на есть классической коммунальной квартире. Преодолев хренову тучу километров, отделявших Ставропольский край от Москвы, мы были бы рады поселиться хоть в собачьей будке, а коммуналка наша располагалась в центре столицы, практически в пяти минутах ходьбы от метро «Курская». Однако жить там практически было невозможно, ибо дом был принят госкомиссией еще в позапрошлом веке, при царе-батюшке. И этим объяснялась сказочно низкая стоимость аренды, а также равнодушие хозяев к количеству и месту прописки арендаторов. В кухне, на самом видном месте, зияла дыра, сквозь которую можно было видеть разруху подвального этажа. Через нее же, кстати, к нам в гости наведывались килограммовые подвальные тараканы. Сама же квартира состояла из восьми разномастных комнат, объединенных общим туалетом и коридором, в котором курили разного вида молодые мужчины, предположительно с окрестных строек. В Москве много строят. Я это очень одобряю, это значит, что город живет, растет, притягивает своими огнями новых людей. Город мечты, в котором многим находится место, пусть даже в дореволюционном доме.

Мы приспособились и жили в коммуналке с множеством дверей, за которыми отсыпались рабочие и бог весть еще кто. Приезжие – народ подневольный, вечно стоящий под ударом, нуждающийся и в этом месте, и в этой работе, и в этих

тараканах. Москва презрительно поглядывает через плечо на человека с немосковским говорком. И отчего-то считает, что именно он – приезжий из Украины, Армении, Молдавии и т. п. создает криминогенную обстановку в столице. Смею заявить, что за три года проживания в квартире, буквально набитой рабочим людом, я не застала ни одной пьяной драки, ни единого случая кражи чужого. Очередь в наш единственный туалет – да, бывало. Но не более того. Мы все больше всего на свете хотели спокойно жить и работать, надеясь, что со временем нам улыбнется судьба и мы найдем для себя более комфортное жилище. Иными словами, мы ПРОБИВАЛИСЬ.

За неимением во времена постройки самого понятия «ванная комната», коммунальщикам пришлось откусить от кухни кусочек пожирнее, отгородить его фанерой и разместить там чугунную ванну. Так что, принимая душ, я вполне могла поддержать светский разговор с теми, кто в это время, скажем, отваривал на кухне макароны. Хозяев в этой чудо-хате не было ни одного, ибо не пристало коренным москвичам жить в подобных условиях. Зато в силу экономической привлекательности квартира была набита нами – гастарбайтерами разных мастей, для которых возможность ЗАЦЕПИТЬСЯ означала практически все. За восемь лет, что я прожила в том доме, я так и не узнала точно, сколько одновременно человек какого пола проживает за остальными семью закрытыми дверьми. Может быть, потому, что они

все время менялись.

– Нам надо думать о будущем. Мы не можем себе позволить жить сегодняшним днем, – любил повторять Дима.

– Естественно, – кивала я, отдавая Диме всю зарплату. Я все понимала, тем более что после Грозного и Тамбука на московская жизнь была так тиха, безопасна и комфортна, что я была очень счастлива уже тем, что есть. Я старательно экономила на питании, donaшивала одежду, купленную в секонд-хенде, и не капризничала относительно косметики. Словом, я была очень любящей, очень послушной и лояльной гражданской женой. Ах да, забыла сказать. Мы так и не поженились, как-то руки не дошли. Мы так много работали! Но все, кто нас знал, были уверены, что мы – пара, самые настоящие муж и жена, между которыми искрит Большая Любовь. Мы не ругались, не спорили, все основные решения принимал Дима. Он всегда был отличной защитой и опорой, в этом я убедилась еще в Грозном.

– Мне с ним страшно повезло! – уверяла я всех вокруг.

– Еще бы, – соглашались они. – Сейчас хорошего мужика днем с огнем не найдешь.

– Я люблю тебя, – шептала я ему на ушко.

– Я тебя тоже, – сонно отвечал он и притягивал меня к себе. Согласитесь, что такие нежные отношения после восьми лет тяжелой совместной жизни – большая редкость. Разве не это называют – Большая Любовь?

Единственное, что омрачало наши отношения, была

невозможность завести ребенка. И не то чтобы я его страстно хотела. Или он. Просто иногда этот вопрос вставал между нами, вставал сам собой, в силу природных причин. Вставал он между нами дважды и еще бесчисленное количество раз, когда я думала или боялась, что он может встать. С месячными у меня всегда были перебои.

– Куда, ну подумай сама, куда мы денемся с ребенком? Здесь же его даже и помыть не получится! – горячо объяснял мне ситуацию Дима, когда я случайно беременела.

– Ну, может, снимем что-то попримечнее? – робко предлагала я. Все-таки, невзирая на здравый смысл, мне ужасно хотелось родить ему ребенка. Я представляла себе, каким чудесным отцом будет Дима. Таким же прекрасным, ласковым, сильным, как когда-то был мой отец.

– У нас же нет такой возможности. Слушай, нам осталось подкоптить еще чуть-чуть, и мы сможем купить комнату в Подмосковье.

– И тогда родим? – с надеждой спрашивала я.

– Ну, естественно. Я тоже очень хочу ребенка, – ласково обнимал меня он.

И дважды я ехала с ним на аборт. Трудно описать, как тяжело мне было на это решиться. Потеряв маму, не имея никаких братьев и сестер, я страстно мечтала о ребенке – существе, которое бы было для меня самым родным. Но Дима был реальным, о нем не надо было мечтать, и с его мнением надо было считаться.

В общем, мы копили деньги, работали, работали, работали... пока, в один не слишком-то прекрасный день Дима не сказал мне, что нам надо расстаться.

– Что? – онемела я. Поймите правильно, мы с ним пережили вместе ужасные испытания, прожили восемь лет. Да я вообще не поняла сразу, что он имеет в виду. Мы же были неразделимы.

– Понимаешь, я думаю, что нам лучше будет расстаться. Наши чувства угасли, и я бы не хотел мешать чему-то новому в твоей жизни.

– Ты меня разлюбил? – задохнулась я.

– Да, – потупил очи Дима.

Я ловила ртом воздух, не в силах переварить эту мысль. Лихорадочно вспоминала, что еще вчера Димочка прекрасно демонстрировал всю глубину своей любви ко мне, физически, так сказать. А сегодня он упаковывает чемодан, складывает в него рубашки, которые я только что погладила, и отдает мне ключи от комнаты.

– Так это все правда? – я до последнего отказывалась верить в то, что вижу.

– К сожалению, да. Думаю, что и ты уже давно живешь со мной только по привычке. Мы так много пережили вместе, что срослись, как грибы. Но это не про любовь.

– Нет! НЕТ! Я люблю тебя! Как ты можешь? – начала впадать в панику я. Дима же был для меня всем – мамой, папой, моими двумя нерожденными детьми. Ведь именно ради его

чертового будущего я отказалась от них.

– Давай только обойдемся без сцен, – он быстренько выскользнул за дверь и исчез из моей жизни.

Что со мной было – не сказать словами. Я чувствовала себя так, словно по мне проехали целым взводом танков. Или что я пережила затяжное групповое изнасилование, совмещенное с тяжкими телесными повреждениями. Я не вышла на работу. Я металась по комнате, лихорадочно думая, что же мне делать, как мне его вернуть. Я позвала свою соседку по коммуналке Тамару, чтобы она дала мне какой-нибудь ценный совет или просто дала по голове веслом.

– Слушай, о чем ты говоришь? Зачем тебе его возвращать? Ведь он подлец! – объяснила мне диспозицию она. Тоже приехавшая черт-те откуда, из Грузии, она прекрасно понимала и меня, и мои проблемы. Наверное, мы могли бы стать более близкими подругами, если бы не были обе так заняты.

– А как мне жить? Без него? – на полном серьезе не понимала я.

– Как жить? Для начала перестань жевать сопли. Не для того мы выбрались из кошмара войны, чтобы лить реки слез из-за мужика!

– Я и выбралась-то лишь благодаря ему-у! – выла я.

– Н-да, – вздохнула Тамара. Трудно объяснить, что мужчина, который вытащил тебя из Чечни, помог найти работу, поддерживал долгие годы и лишь один раз немного соврал,

сказав, что любит, – что такой мужчина мерзавец.

– Как его вернуть? – стенала я.

– Никак, – вздохнула Тамара. – Послушай, дорогая, что скажет тебе умная грузинская женщина. Горе и слезы – это то, без чего не проходит ни одна жизнь. Радуйся, что ты рыдаешь из-за разбитого сердца, а не из-за разбитой головы. Сердце можно закрыть и жить дальше. А вот дырку в мозгу заклеить не всегда получается. Ты же фельдшер, кому я говорю, вах!

Как ни странно, эти слова до меня дошли, хотя с виду я была невменяема. И я снова стала умываться и чистить зубы. И попросила старшего фельдшера больше никогда, ни при каких условиях не ставить меня в одну бригаду с Димой. Фельдшер понимающе кивнула и не ставила. Может, до этого к ней с той же просьбой подходил и сам Дима. Я страдала, еще больше худела, но работала. И я ни разу не сталкивалась с ним, только с его фамилией в графике дежурств линейных бригад. Он всегда работал в другие сутки. А потом, через несколько недель, я узнала, что Дима женился. Ко мне подошел главврач и спросил:

– Во сколько мне приезжать в ЗАГС?

– В какой ЗАГС? – растерялась я.

– Когда вас расписывают? В каком часу? – снова уточнил он. Тут до меня дошло, что его, видимо, Дима пригласил на свадьбу, и он, не будучи в гуще событий, наивно решил, что Дима женится на мне.

– Уточните лучше у него. Мне он еще не сказал, – буркнула я и ушла. К тому времени я несколько подостыла и перенесла новость спокойно. Даже была рада, что все наконец стало на свои места. Конечно, мне было обидно, что Дима сам не назвал истинной причины нашего расхождения, но какой с него спрос. Спасибо, что просто не ушел по-тихому, пока меня не было дома. И он отдал мне ту часть наших накоплений, которую считал заработанной мной. Процент двадцать.

– Она москвичка. Доктор из Склифа. Они спелись еще полгода назад, хотя, если честно, она страшна, как моя жизнь, – захлеб рассказывала мне одна докторша с реанимационной бригады, страшная сплетница, хотя я бы спокойно пережила без подробностей.

– Твоя жизнь совершенно не страшная, – из чувства справедливости возразила я.

– Я не думаю, что там Большая Любовь, но она прописала его в свою квартиру, – понимающе цыкнула та.

– В то, что он с ней из-за квартиры, я вполне допускаю. Это именно то, о чем Дима так мечтал, – кивнула я.

– Именно! Приспособленец! Поменять такие отношения, такую Большую Любовь на какие-то метры! Не понимаю! – пузырилась коллега.

– Это потому, что у тебя есть квартира, которая досталась тебе еще от родителей. А мой дом, да и Димкин тоже – разбомбили. У нас вообще ничего больше нет. Зачем нам Боль-

шая Любовь, а? – улыбнулась я.

– Не пойму, ты его оправдываешь? – обиделась докторша. Она думала, что я нуждаюсь в ее поддержке и слюнявом сочувствии. Но резкие слова Тамары помогли мне гораздо больше. Я закрыла свое сердце, законопатив двери и окна, и теперь гораздо лучше понимала, почему Дима так поступил.

– Его тоже можно понять. Там двушка в Чертанове и все такое, а тут тараканы и неясные перспективы...

– Слушай, ты так спокойно об этом говоришь! Неужели совсем не больно?

Я пристально на нее посмотрела, но ничего не сказала. Какое ей дело до того, больно мне или нет. Дима спас мне жизнь, помог пережить самые страшные годы. Подумаешь, разбил мне сердце – имеет право. Если бы не он, сердце бы давно прострелили в Чечне. Так что мог делать с ним что угодно. Главное, я все еще живу.

И все-таки было одно-единственное, из-за чего я рыдала по ночам, просыпаясь непонятно отчего. Оказалось, Дима женился не просто на москвичке, а на беременной москвичке. И ей, естественно, он не стал рассказывать, что сейчас не время и что надо подождать. Наоборот, для укрепления семьи – ячейки общества, он заваливал свою счастливую супругу цветами и яблоками. Из него действительно выходил замечательный папаша, о чем мне с садистским удовольствием докладывали все кому не лень. Вот от этого мне хотелось повеситься.

– Я могу попросить перевода на другую подстанцию? – спросила я, когда старший фельдшер, потупившись, сказала, что она устала разводить нас по разным сменам, что от этого у нее весь график по швам трещит.

– Но наша же одна из лучших! – немного повозмущалась та.

– Значит, буду укреплять коллектив там, где похуже, – нейтрально возразила я.

Через неделю я работала на Цветочной улице, недалеко от «Сходненской». Подстанция действительно была попроще и обслуживала беднейший район, набитый дешевыми пятиэтажками с алкоголическим населением и промзонами, на которых со стабильной регулярностью совершались грабежи и драки. Зато их сотрудники совершенно ничего обо мне не знали и не соболезновали.

С тех пор прошло три года. Я подумала, что самые спокойные, самые счастливые годы в моей жизни – вот эти три последних, что я прожила одна. И даже неправильно говорить, что одна. Строго говоря, у меня случались романы, и даже несколько. Даже много, если судить по количеству мужчин. Спонтанный секс в пустых комнатах отдыха на подстанции «Скорой», роман, который затягивался максимум на неделю, пока старший фельдшер Римма не меняла состав бригады, разводя нас с очередным любовником по разным машинам. Одинокие вечера, выходные с подругами. Деньги, которые принадлежат только мне, и ни перед кем не надо отчитывать-

ся. А потом, если снова в смену поставили вместе, то можно опять почувствовать себя женщиной. У меня был даже один вполне стабильный любовник вот уже, наверное, с полгода. Можно ли меня считать одинокой?

Я считала. И наслаждалась этим, потому что после Димы мне совершенно не хотелось пресловутой «близости» и «любви». Чего нельзя сказать о сексе, тем более с приятным молодым мужчиной с ледяными голубыми глазами и искорками морщинок вокруг глаз, которые берутся у людей не от старости, а оттого, что они много смеются. Качественный секс на пару часов или пару дней, после которых носитель голубых глаз ледяного цвета уедет, и я спокойно забуду о нем – это именно то, что мне надо, думала я, когда выпила его глинтвейн и откровенно посмотрела в ответ на его вопрошительный взгляд.

«Почему бы и нет? – подумала я. – Он явно приезжий, значит, у меня нет ни единого шанса заполучить проблемы. Олл райт!»

И через несколько приятных мгновений я уже лежала в его объятиях. И все бы хорошо, если бы не эти внезапно нахлынувшие на меня воспоминания, страх и чувство того, что земля уходит из-под ног. Впервые за три года мне захотелось, чтобы меня попробовали удержать. И это больше, чем что-то еще, меня напугало. Мое сердце застучало чаще положенных ему раз, когда я смотрела на этого незнакомца. И сердце было готово выпрыгнуть из груди, когда он догнал меня

у подъезда.

– Кошмар! Неужели я могу быть такой душой? – повторяла я как заклинание. – Мало тебе одного раза?

«А вдруг он не такой?» – малодушно подумалось мне. В этот момент мне стало ясно, что с голубоглазым приятелем надо кончать. Немедленно! Ни в коем случае нельзя пускать в свою жизнь мужчину, рядом с которым хочется распустить волосы и склониться к его плечу. Нет уж, спасибо! Я уж знаю, чем это заканчивается. Кто куда, а я в сберкассе! Своя рубашка ближе к телу. Слишком уж сильно этот Дима (блин, ну почему!) меня зацепил. Я допускаю, что он хороший человек, даже больше, я это чувствую. Так именно в этом-то и кроется угроза. Если бы он, как мой Саша Большаковский, был обычным женатым мужиком, мечтающим о легком сексе на стороне, я спокойно могла рассчитывать на долгие необременительные отношения. Но что я буду делать, если он окажется нормальным человеком? Я-то ведь категорически против Любви. Горячо, Машка, очень горячо!

– Впрочем, чего это я раньше времени переживаю? Ведь вероятнее всего, он ни хрена не позвонит! – вдруг несколько остыла я. Скорее всего, он взял мой телефон из чисто спортивного интереса, так что я могу спокойно ложиться спать и не дергаться. А в крайнем случае уж я найду, чего такого ему сказать, чтобы он никогда больше мне не позвонил. И вообще обходил наш дом десятой дорогой... В общем, я твердо решила, что категорически не должна больше с ним

встречаться. Категорически. И если для этого потребуется еще больше разбередить рану, оставшуюся у меня после Димы, – я это сделаю не задумываясь.

Глава третья, в которой я понимаю, что влипла

Я – счастливица, потому что у меня очень здоровый сон. При мне можно топтать ногами, улюлюкать и свистеть, но если я после смены – пушкой не разбудишь. Счастье это – благоприобретенное, ибо не всегда было так. Было время, когда я совершенно честно мучилась ночными кошмарами невыясненной этиологии, при которых Дима, совершенно как Батлер из «Унесенных ветром», тряс меня за плечи и будил, чтобы я орала потише. Однако последние три года я сплю на редкость хорошо. Конечно, можно считать, что это от тяжелого насыщенного рабочего дня, который у нас составляет двадцать четыре часа. Или из-за смены района – все-таки вокруг Сокола куда чище и зеленее, чем на «Курской». Но я-то знаю, в чем фокус, – я прекрасно сплю, потому что одна! Никто не ворочается рядом, не толкается, не забрасывает ногу на мои бедра и не будит меня, когда я только-только задремала, с тем чтобы спросить, сколько я истратила в супермаркете. И, конечно же, потому, что я уехала из дома, который напоминал мне о неудавшейся попытке семейной жизни. Я сменила комнату в коммуналке, как только представился случай. Случай в жизни одинокой женщины – великое дело. И правда, будь я вместе с каким-нибудь мужиком, мне никогда не подвернулась бы возможность по-

жить на халяву в одном из красивейших районов Москвы. Я жила в Песчаном переулке, недалеко от метро «Сокол», в старом сталинском доме с высокими потолками, красивым фасадом и несколько запущенными внутренностями. Впрочем, все познается в сравнении. После фанерной ванной и общего туалета двухкомнатная квартира старушки Полины Ильиничны Степанцовой смотрелась Петергофом.

– Вау! Вот это да! – восхитилась Тамара, когда я, через пару месяцев после переезда, пригласила ее к себе. – Хоромы!

– Не то слово! Хожу и жмурюсь! – кудахтала от удовольствия я.

– И что, ты совсем ничего за это не платишь?

– Я отдаю натурой, – улыбнулась я. И это была правда, хотя речь шла о совсем не той натуре, о которой вы сейчас подумали. Мое длинное, полное костей сутулое тело привлекало внимание только борцов с анорексией. И иногда, в порядке исключения, голубоглазых незнакомцев в старушечьем халате. Высокий рост в совокупности с худобой давал мне определенные преимущества при выборе одежды. Кроме того, удавалось выглядеть немного моложе своих лет, видимо, из-за относительно здорового образа жизни, если не считать пары сигареток в день. Ну, ладно – десятка. Да, я курю! И что? Речь идет, естественно, о моих умениях врача. А началось все с рядового вызова. Я тогда только перешла на Сходненскую подстанцию.

Район изобилует алкашами и старушками, населяющими

пяти-, девятиэтажки. Это и есть наш основной клиент. Типичный. Именно такой пациент может вызвать «Скорую», если вдруг порежет пальчик или подавится чаем. Или даже без этого. Статистика показывает, что состоятельные семейные люди, обремененные делами и детьми, вызывают «Скорую» в самых крайних случаях, на аппендюк¹ или при отравлении. А вот бабуля вызовет «Скорую», даже если она просто потеряла программу ТВ. Впрочем, я их не виню. Вызовы к ним – отдушина для врача. Сидишь как в раю, меряешь давление, отдыхаешь. Никакого экстрима. Особенно если старушка чистенькая и радушная. На каждой подстанции есть клиенты, для которых день, прошедший без вызова «Скорой», – потерян. Именно такой старушкой и была моя Полина Ильинична.

О ней ходили легенды. В ранге старушки она вот уже лет пятнадцать. Когда меня только перевели на наш «завод», ребята уже делали ставки на то, сколько раз за неделю та или иная бригада сгоняет к Степанцовой. Сокол сам по себе ни к какой подстанции не относится в силу своего смежного географического положения, так что к Полине Ильиничне в течение всех пятнадцати лет приезжали то с нашей, Тушинской, подстанции, то с соседних, Щукинской или из второго, северного региона. Вызывала «Скорую» она стабильно, без перебоев. Врачей встречала строго, но и без поощрения не оставляла. То сушками накормит, то бульону нальет. Тому,

¹ Аппендицит (здесь и далее прим. автора).

кто законстатирует² Степанцову, подстанция обещала четыре ведра шампанского, ровно по количеству переведенных на нее бесплатных лекарственных средств. Но она была бодрой, подтянутой старушкой, которая имела шанс пережить многих. А «Скорую» она постоянно вызывала от скуки и от всяких фобий, среди которых основной была уверенность в насильственных намерениях со стороны ее племянниц.

– Они хотят завладеть моим имуществом, – делая круглые глаза, заверяла она всех. И пристально всматривалась в лица фельдшеров – не засланные ли казачки?! Я попадала на ее вызовы всего пару раз, хотя иные просто выли, видя в карте вызова фамилию Степанцовой.

– Сколько ж можно, гражданка Степанцова! Смотрите, в другой раз не поедем! – стращал бабушку наш главврач Геннадий Дмитриевич Карлов, прозванный Карликом за миниатюрность телосложения вкупе с подходящей фамилией. Бабуся свои конституционные права знала назубок.

– Сколько вызову, столько и прикатишь, Карла поганая, – фыркала она. И ведь была права. Ей через день кололи то тройку³ для обезболивания, то эуфилин для улучшения дыхания. И аквалангом⁴ мадам Степанцова не брезговала, любила подышать халявным кислородом. Наш народ шутил,

² Заполнит бланк констатации смерти.

³ Комбинация из анальгина, но-шпы и димедрола, один из самых распространенных при вызове «Скорой помощи» уколов.

⁴ *Акваланг* – кислородный ингалятор (просторечное).

что она ввела в науку новые дозировки лекарственных препаратов – ведра.

Ну, так вот, однажды, приехав по вызову в Песчаный переулок, я застала Полину Ильиничну в каком-то нетипичном состоянии. Она была бледна, не причесана и стонала, открывая двери.

– Матушка моя, что ж такое! Третий раз за день, – пожурил ее мой напарник, Саша Большаковский. Он тогда еще не был моим любовником.

– Болит живот, сынок. Совсем эти стервы меня довели! – стандартно причитала та, однако демонстрируя типичную мученическую мимику. Я посматривала на нее из-за плеча, набирая в шприц тройку. «Эти стервы» – естественно, племянницы.

– Мы вам укольчик-то, конечно, сделаем, – ласково подступился Саша, – только ж вам его уже делали. Может, до завтра бы?

– Не доживу, – пугнула его старушенция.

– Ну, уговорили, – кивнул он. Я всадила ей обезболивающий спазмолитический препарат, и мы укатили.

– В следующий раз буду ей магнезию⁵ колоть, чтоб добро не переводить, – ворчал Большаковский.

– Магнезия – это правильно, – согласилась я.

– Главное, чтоб больно было. Это для них первейшее дело.

⁵ *Магнезия* – лекарственный препарат, не обладающий сильным терапевтическим эффектом, но вызывающий ощутимые болезненные чувства в районе укола.

– Любят бабки магнезию, – механически кивнула я. Однако меня мучило некое невысказанное дурное предчувствие. Я была новенькой, и для меня жалобы бабки еще не стали рутиной. А опыт подсказывал, что Степанцова не симулировала. Только сегодня в виде исключения не симулировала.

– Может, вернемся? – предложила я. – Так, на всякий случай.

Саша испепелил меня взглядом. Однако смутные сомнения не утихали и продолжали меня терзать. Поэтому вместо обеда я упростила водителя довести меня до бабки. Картина, как я и чувствовала пятой точкой, уже спрогрессировала. Еле живая бабка отомкнула мне дверь и практически рухнула на подставленные руки. С трудом доволочив полуобморочную старушку до машины, я диагностировала острое пищевое отравление. По дороге, после уколов и капельницы Полину Ильиничну наконец вырвало, и она стала давать сумбурные показания.

– Это они! Они! Отравить меня хотели! Их грибы!

– Значит, вы ели грибы? – обрадовалась я, поняв, откуда ноги растут. Может, и в первый раз все разъяснилось бы, будь Большаковский повнимательнее. Но если вы кому-то пятнадцать лет колете тройку и все так поступают, то переключиться сложно.

– Ела, – кивнула бабуля. В целом, несмотря на очевидность симптомов, мы с Сашей проворонили отравление грибочками. Надо сказать, он мне потом только что руки не

целовал. Поскольку, если бы бабка умерла, да еще при каком-нибудь повторном вызове, не миновать нам обоим вылета из родной конторы. Тем более что проступок гастарбайтера наказывается сразу, неумолимо и по полной программе. Но обошлось. Выжила бабка. Собственно говоря, после промывания желудка ее состояние неминуемо стабилизировалось, но пришла в себя она, уже имея в голове пару нетривиальных выводов. Первый касательно грибов. Грибы действительно передала одна из племянниц, и, хотя они были фабричного производства и никак не могли быть специально отравлены, Полина Ильинишна раз и навсегда решила, что дурацкие дочери ее несчастного, ныне покойного брата имеют умысел на ее убийство. Не иначе как с целью завладения имуществом оной, включая сушки и половички. Во-вторых, что ей Бог послал знак в лице меня, прилепавшей обратно и спасшей ее от неминуемой гибели. Сколько я ей ни объясняла, что идея вернуться к ней связана исключительно с желанием сохранить работу, она и слушать ничего не желала. И стала уговаривать переехать к ней.

– Немедленно переезжаешь ко мне! – скомандовала она.

Я онемела.

– Зачем?

– Ты же работаешь на Сходненской подстанции? – спросила она, проявив недюжинную осведомленность. Еще бы, пятнадцать лет вызывала!

– Ага, – кивнула я.

– От меня ближе ездить! – Степанцова от удовольствия аж разругянилась. – Значит, будешь у меня жить.

– Это, наверно, дорого, – засомневалась я.

– Дорого? А, ты о квартплате? Это я и сама оплачу. Я член ЦК КПСС с девятьсот... не помню... тридцать пятого, кажется... Пенсия персональная. Льготы...

– А что, вы не хотите, чтобы я платила за аренду? – искренне удивилась я.

– Платить? Нет. Уколы будешь делать, следить за моим состоянием. Еду готовить, – перечислила явно продуманный список бабуля.

Я поняла, что к ее благодарности в пропорции два к трем примешались здравый смысл и трезвый расчет. Я еще немного поупиралась, но в комнате на «Курской» все так сильно напоминало о Диме, что я решила ехать.

– Дорогая моя, – со своим чудесным спокойствием напутствовала меня Тамара, – ты говорила, что чудес не бывает? А это, по-твоему, что?

– Действительно, – хмыкнула я.

– И что, ты готова профукать чудо Божье? – приподняла правую бровь она.

Я профукать чудо была не готова, поэтому упаковала вещи, попрощалась с Тамарой и переехала на Сокол. Я только боялась, что разругаюсь с Полиной Ильиничной вдрызг еще до выходных.

С тех пор прошло три года моего сияющего, лучезарно-

го, восхитительного одиночества. Моя бабуся имеет бесплатную, неотложную и безотказную «Скорую помощь» на дому. Кроме того, она сдает меня в аренду всем окрестным старушкам, в связи с чем я и влипла в знакомство с моим Димой-пехт, который, кстати, так мне и не позвонил ни в тот же день, ни на следующий. Я испытывала противоречивые чувства из-за этого. Сразу после инцидента в тридцать второй квартире я мечтала никогда не услышать его голоса и, ложась спать, даже отключила телефон. А вот к утру следующего дня неожиданно поймала себя на том, что стараюсь не отходить подальше от сладкоголосого аппарата. Ради этого я даже не пошла на рынок за продуктами, что было недалевидно, ибо я еще могу перебиться, а Полина Ильинична – никогда.

– Маша, где моя черешня? – капризно спросила меня она, когда на обед я выставила на стол одну только вчерашнюю жалкую курицу с картошкой.

– Она... я, я еще не ходила, – неуверенно проямлила я, потому что именно в этот момент поняла, что на самом деле жду звонка.

– Что с тобой, ты плохо себя чувствуешь? – всмотрелась в мое лицо бабуся.

– Я – нет, с чего вы взяли? У меня все хорошо! – Голос немного сорвался. Я облизнулась и снова непроизвольно посмотрела на телефон.

– Нет, ты определенно заболела. Можешь не ходить за че-

решней, – вздохнула бабуля. Она явно считала свой отказ от черешни своего рода подвигом.

Я разозлилась на себя. Он еще не позвонил, а проблемы уже есть. Так что я немедленно пошла за черешней. И намеренно долго ходила по рынку, заворачивая в магазины, коим на Ленинградском шоссе несть числа. А когда пришла, то все ждала, что старуха моя сама скажет, что звонил неопознанный, но очень сексуальный низкий мужской голос.

– Ты будешь смотреть «Новости»? – крикнула Полина Ильинична из своей кухни.

– Нет, спасибо, – отказалась я, хотя вообще-то люблю «Новости». Потом, ругая себя на чем свет стоит, все-таки спросила: – Мне никто не звонил?

– Я не слышала звонка. А ты что, кого-то ждешь? Тамарочку? – Естественно, за три года я их давно познакомила.

– Да нет, никого не жду. Просто так спросила. – Я закусила губу. На тебе, получай. Романа захотелось? Забыла, чем это кончается? Тогда не удивляйся. С чего ты взяла, что он позвонит? Ложись лучше спать и не раскатывай губу.

– Сволочи они все-таки, – всхлипнула я.

«Это к лучшему», – заверил меня мой здравый смысл. Однако я так и не смогла внять разуму. И впервые за три года очень долго вертелась и не могла уснуть.

Утром, пока трамвай вез меня до подстанции, я с прохладцей листала глянцевого журнальчик и делала вид, что мне АБСОЛЮТНО ВСЕ РАВНО. Я – взрослая женщина, кото-

рая давно не верит в любовь. И вообще никак и ни во что не верит. Не понимаю, почему я испытываю непередаваемые приступы возбуждения при воспоминании об одном только облике этого соседа из Ямбурга. Может, попить пустырника? Или валерианки? А то впереди длинная, наполненная идиотизмом смена, а у меня перехватывает дыхание при мысли, что он может именно сейчас звонить, а меня нет дома.

– Думай о работе, дура. А то останешься еще и без зарплаты, – сказала я себе и жестким усилием воли сосредоточилась на статье «Как провести отпуск». Журнал советовал составить план безумств, которые надо обязательно совершить на курорте. Н-да, что-то давно я не была на курорте. Никогда не была, если не считать детства в Грозном. Как ни крути, а места у нас там сказочные. Эх, оказаться бы сейчас на каком-нибудь Красном море. Да с этим Димой... Черт, хватит!

– Привет, Машка. Как дела? – радостно улыбнулся наш водитель.

Я тряхнула головой и все-таки перестроилась на работу. Она у нас такая, что исключает всякие посторонние мысли. Для начала обед дали в двенадцать, когда рабочий день только начал набирать обороты. Нам, труженикам здоровья, обед полагается два раза в день по полчаса, и только диспетчеру ведомо, когда он будет. Поэтому я приехала, основательно набитая овсянкой и бутербродами с докторской колбасой. Я вполне была готова откатать день без еды. Наверное, диспетчерша обладает даром ясновидения. Как бы там ни было, а

в полдень она передала на наш бортовой компьютер, именуемый в простонародье «тамагочи», сигнал обеда.

– Да что ж такое! – всплеснул руками Саша Большаковский, мой постоянный партнер по смене и по просиженному дивану в комнате отдыха. Мой постоянный любовник. Женат, естественно. – Она что, специально выслеживает сытых?

– А у нас закон подлости работает с точностью закона земного притяжения! – «утетила» его я.

– Ну и что? Куда? – скептически скривился шофер.

– А ты что, тоже сыт? – порадовалась я.

– А то! – кивнул он.

– Значит, будем запасать подкожный жир, как медведи, – скомандовал Саша, выразительно глядя на меня. Да, я знала, что у него пухленькая округлая жена и что он не возражал бы, если бы и я «наела» бы себе каких-то округлостей. Обычно меня это расстраивало, но сегодня я осталась равнодушна к его намекам. Мы подкатили к «Макдоналдсу». Большую часть нашего законного получаса мы пытались запарковаться около «Тушинской». В Москве куда-то доехать по пробкам – очень большая проблема, но еще большая проблема – остановиться. И хотя мы – «Скорая помощь», никто не спешит уступить нам место на парковке. Еще бы, сами озверели, третий раз наматывая круги около метро. Так что гамбургеры мужики дожевывали практически на ходу. Я же попивала кофе из термоса: овсянка категорически воспротивилась компании американского бутерброда.

– Телебунь! Телебунь! – снова блямкнул «тамагочи» – бортовой компьютер, к которому я так и не смогла привыкнуть. Я с детства страдаю особой формой технического креатинизма, при которой в моих руках ломается даже терка. Мое знакомство с компьютером было не ближе, чем, к примеру, с космической станцией «Мир». Но если о задачах последней я имела хоть какое-то представление, то о «тамагочи» я знала только то, что он живет своей жизнью и если сломается, я буду платить из своей (весьма скромной) зарплаты по гроб жизни. Кроме того, раньше, до эры «тамагочи», мы всегда спокойно доезжали до подстанции. Теперь же нас в любой момент вылавливали по радиосети и посылали на вызов. Начальство рапортовало об увеличении скорости обработки вызова, а нам пришлось работать в три раза больше.

– Маня, глянь, чего ему надо? – бросил через плечо Саша.

– Пишет, что вызов, – я склонилась над механизмом, стараясь не дышать.

– Какой, на хрен, вызов? Мы еще на обеде! – возмутился шофер.

– Диспетчер, вызов приняли, – выстучал по клавиатуре компьютера Саша. Ему, как и мне, было не до капризов. В московскую «Скорую» он попал из Тулы, где долго и безуспешно собирал милостыню в качестве больничного офтальмолога. И если тульским хирургам еще хоть что-то перепало от спасенных горожан, то офтальмологу приходилось довольствоваться штатным окладом в размере полови-

ны ставки московского дворника, выплачиваемым раз в полгода. Так что местом в нашей карете он очень даже дорожил.

– Эх, вы! – огорчился водитель. Через десять минут мы приняли пенсионера с остановкой сердца. Я порадовалась, что не стала лопать гамбургеры. Сейчас они были бы совершенно некстати. Выносить такого рода вызовы гораздо проще на голодный желудок.

– Что ж это делается, люди добрые! – взвыла прямо на входе перекошенная от ярости старушка. – Хоть бы разулись, изверги.

– Где больной? – буркнул исподлобья Саша, сразу почуяв, что в этой чистенькой, заставленной бюстами Ленина и Сталина квартире теплый прием нас не ждет. Вообще люди относятся к врачам «Скорой» двумя строго противоположными образами. Одни подобострастно одобряют, другие возмущенно порицают. Среднего не дано. Бабушка порицала.

– Ирод, наследил-то как, – причитала старушенция, в то время как ее дедушка, судя по всему, собрался сыграть в ящик.

– Что ж такое, прямо с утра, – нахмурился Саша, стоило ему только бросить взгляд на белого, словно лист, пенсионера.

– Иван Михалыч?⁶ – уточнила я, хотя с первого взгляда было понятно, что разверзлось перед нами. Острый инфаркт миокарда собственной персоной, к тому же уже вызвавший

⁶ *Иван Михалыч* – простонародное название инфаркта миокарда в среде врачей.

фибрилляцию.

– Он ветеран! Осторожнее! – продолжала прессинг бабуся, но нам уже было не до нее. Судя по всему, дед уже вполне клинически умер, так что пришлось проигнорировать ее вопли.

– Машка, тащи его на пол, – скомандовал Саша. Я и сама уже хватала пенсионера под плечи.

– Что ж вы делаете! Избивают! – перешла на ультразвук супруга покойничка. Мы же проводили не прямой массаж сердца. Честно говоря, процедура эта сродни тренажеру какого-нибудь элитного фитнес-клуба, при этом желания сражаться еще и с пенсионеркой у нас не было. И сил тоже. Слава богу, на такие ситуации уже давно выработался иммунитет.

– Откуда можно позвонить? – поинтересовалась я, когда деда завели.⁷ Хорошо, что обошлось без дефибриллятора.

– Что с ним, он будет жить? – несколько остывшим тоном поинтересовалась бабуся. Вдруг ей пришло в голову, что она была не права? Ну, это вряд ли.

– Будет, – кивнула я и набрала диспетчерскую.

Через сорок минут мы со скандалом сдали деда в кардиологическое отделение районной больницы, истратив на него один из четырех столь дорогих сердцу сопроводков – листов, позволяющих нам оформлять и госпитализировать пациентов, которые в этом нуждаются. По непонятным причинам

⁷ *Завести* – вернуть к жизни после клинической смерти.

их, этих листов, всегда давали в десять раз меньше, чем людей, нуждающихся в лечении. Приходилось вертеться.

– Сколько ему лет? Что вы нам тащите всякий антиквариат? – стервенела докторша из приемного покоя, но нам на ее вопли было наплевать. Отказать в госпитализации, особенно с таким анамнезом, она не имела права. С чувством выполненного в который раз долга, а еще больше с чувством некоторой усталой опустошенности, возникающей всякий раз, когда выходишь из ситуации «на грани», мы покатали на подстанцию. В общем, смена выдалась хоть куда, и в конце, когда ночью на подстанции выдался свободный час, Саша Большаковский начал пространно намекать, что ему, столь перенервничавшему из-за спасения деда, не помешала бы сейчас женская ласка. Тем более что у него есть ключ от комнаты отдыха реаниматоров.

– Пойдем? – ласково спросил он, скорее для формальности, чем реально интересуясь моим мнением. А зачем, если последние полгода, которые у нас с ним проистекает стойкая любовная связь, я не отказалась ни разу.

– Слушай, мне еще надо отчеты заполнить. Я даже дедов не закончила, – вдруг начала отмазываться я.

– А я тебе потом помогу с отчетами, – мурлыкнул Саша, исчерпывающе засовывая руку под мой балахон.

– Знаю я тебя, задрыхнешь и ни слова не напишешь! – Я чрезмерно резко отмахнулась от его руки. Саша с изумлением посмотрел на меня.

– Я что-то не понял. Что случилось?

Я нахмурилась. Вот так за здорово живешь потерять нормальные полноценные и ни к чему не обязывающие любовные отношения? Только потому, что в первом подъезде завелся ледяной красавец, который к тому же мне не звонит?!

– Ничего, просто устала. Давай в другой раз?

– Ну, ладно, – разочарованно протянул Саша. И надул губы, как мальчишка, которому не дали плюшевого поросенка.

Смена закончилась, мы разъехались по домам, где в тиши своей комнаты (телефон по-прежнему молчал) я смогла наконец признать, что жду звонка. И никак не могу обойтись без этого звонка, а вот без Саши Большаковского, напротив, могу, и совершенно не напрягаясь. Полная лажа! Я влипла, я мечтаю, чтобы этот Дима, который так чудно заваривает чай и делает глинтвейн, снова появился в моей жизни! И никакие доводы разума не способны меня остановить, потому что при мысли, что он уедет в этот свой Ямбург, а я его больше никогда не увижу, меня пробивает дрожь, а на лбу выступает холодный пот. Может, ОРВИ? Ох, что же будет с моим сердцем потом, когда он меня бросит и забудет? Но, как известно, бабы дуры, и я не исключение.

– Еще только один раз, и все! – малодушно сказала я себе, поднимаясь по лестнице на девятый этаж первого подъезда. В тридцать вторую квартиру, естественно.

Глава четвертая, в которой мужчин становится слишком много. Даже для меня

Не знаю, как у вас, а у меня очень трепетные отношения с собственной совестью. Она меня всегда готова понять, а я всегда готова ей все-все объяснить и в крайнем случае, если уж я творю что-то совершенно из ряда вон, пообещать, что больше так никогда не буду. Например, когда я чувствую, что совершенно распустилась и не слежу за здоровьем, сразу же обещаю себе, что брошу курить. Не позже следующего месяца, зуб даю! И сразу же у меня на душе наступает покой и гармония. Распаковывая новую пачку «Честерфилда», я точно знаю – это скоро кончится. Скоро я стану сама правильность, буду делать зарядку, бегать по утрам и, главное, перестану наполнять свои легкие дымом. Вплоть до начала того самого следующего месяца (понедельника, дня полочки, начала отпуска и т. п.) все дни наполнены душевным комфортом и ожиданием скорейших позитивных перемен в моей жизни.

Впрочем, я могу поклясться перед лицом своей совести в чем угодно, не только в том, что по утрам перестану хвататься за сигарету раньше, чем за чайник или зубную щетку.

– С завтрашнего дня я буду рационально распределять

свое время. Обещаю, что стану составлять списки неотложных дел! – говорю себе я. И действительно, на моей тумбочке всю неделю пылится список:

1. Почистить пальто (потому что готовь сани летом, а что-то там зимой, значит, чистить пальто в июле – правильно).

2. Отскрести зубную пасту от кафеля в ванной (а то Полина Ильинична меня окончательно достанет своим ворчанием).

3. Поливать цветы еще до того, как с них опали все листья!!! Цветы – они не деревья, с них листья опадать не должны!!!

4. Научиться говорить «нет» (с этим по жизни проблема).

5. Не забыть (в очередной раз) купить соль. Хватит рассказывать Полине Ильиничне, что соль ей вредна. В конце концов, это уже пошло.

6. Перестать встречаться с Димой! – и это я тоже себе могу пообещать. Однако «пообещать – не значит жениться», и уж кому-кому, а моей совести это отлично известно. Ибо именно она постоянно вынуждена выслушивать, почему у меня ничего не получилось. Отчего это я, как и в прошлом месяце, стряхиваю пепел от сигареты в бабулин горшок с облетевшей азалией, а в ванной по-прежнему все заляпано зубной пастой. И почему я так и не сумела сказать соседу Диме из Ямбурга «нет». Правда, если быть до конца точной, я все-таки кое-что выполнила из обещанного, которого, как известно, три года ждут. Я купила соль! Да! Все-таки я не

абсолютно безнадежна! И я перешла на «Соверен», которые, как мне кажется, гораздо легче. Ну, по крайней мере, дешевле. И Дима их курит, так что мы с ним пахнем одним и тем же табачком.

– Значит, ты все-таки добила своего? Спишь с соседом! А почему же ты не смогла его оставить? – интересуется моя совесть. Ну, что я ей могу ответить. Ведь ТАКОЕ случается не каждый день. И потом, он скоро уедет, и мне незачем будет себя изводить. А пока... Спишь – это было не то слово. Спала я с Большаковским, до той счастливой минуты, когда этот прекрасный принц из Ямбурга открыл мне дверь. А с Димой я... летала. И мне было наплевать, что для этого я нарушила еще одну свою заповедь, которая запрещает интересоваться мужчиной, который не позвонил.

Когда я, не в силах сдержать свой страстный порыв, пришла к его двери, раскрасневшаяся и взволнованная, ее мне открыла его тетя. Она внимательно осмотрела меня, потом жестом пригласила внутрь и прошаркала в глубь квартиры.

– Как ваше самочувствие? – не растерялась я. – Сердчишко не пошаливает?

– Так вы Маша? Вам что, мое сердце интересно или моего племянника? – ехидно поинтересовалась старушка, пристально разглядывая меня в упор. Оказывается, она сходила в комнату за очками и теперь лицезрела меня во всей моей растрепанной красе.

– Ну... я хотела узнать... собственно... – Я как-то не рас-

считывала, что его тетушка окажется в курсе нашей маленькой эскапады.

– С моим сердцем все в порядке, – старушка исчерпывающе развела руками и замолчала. Я переминалась с ноги на ногу.

– А как тут ваш гость? – наконец выдавила я, ругая себя почему зря за то, что приперлась сюда. Теперь мне было обеспечено внимание всего двора, всего старушечьего взвода.

– Дима! К тебе пришли! – наконец соизволила проскрипеть бабуся. Я почувствовала, как кровь отлила наконец (слава богу) от моих щек и ушей и прилила к низу живота, в область брюшного пресса. Можно было снова смело диагностировать тахикардию.

– О, привет, – удивленно посмотрел на меня Дима. Он был в шортах и майке, с мокрыми руками. Глаза холодные, красивые, внимательные. Ма-ма!

– И зачем было брать телефон? – строго свела брови я. Именно эта фраза была моим официальным поводом для визита. Но при виде его я была готова раздеваться сразу, не обсуждая причин и поводов.

– Телефон? – удивился он. – А, твой телефон! Ну, я думал, что, может, еще увидимся.

– И что же? Не смог набрать номер? Пальцы сломал? Вызвал бы меня, я бы тебе гипс наложила, – взвинченным тоном продолжала я.

– Знаешь, дорогая, ты так исчерпывающе показала, как

я тебе «нужен», что звонить мне перехотелось, – он вытер мокрые руки о майку.

– И как ты мне нужен? – я облизнулась. Он был мне очень нужен, но признаваться себе в этом мне не хотелось.

– Как собаке пятая нога. Вот так.

– И что? Может, это у нас, у женщин, такие игры.

– А я не люблю играть, – вредничал он. – Я люблю, когда все по-честному.

– По-честному? – ахнула я. Интересно, где это видано, чтоб мужчина любил по-честному?

– Слушай, а чего ты приперлась? Что, стетоскоп забыла? – довольно грубо спросил он.

– Нет. Я хотела тебя еще раз увидеть. Потому что я, как дура, мариновала взглядами телефон. Дырку в нем прожгла, теперь придется новый покупать. Так что можешь уже потирать ручки. Мне без тебя плохо. Ну, не буду мешать, – я повернулась и собралась уходить.

Он стоял посреди коридора с открытым ртом и пялился на меня. Еще бы, подобный монолог нечасто услышишь. Я неторопливо выдвигалась в сторону лестницы и чувствовала, как его взгляд прожигает мою худую спину. Кстати, под его взглядом я не чувствовала себя тощей коровой, которую пора пристрелить, чтоб не мучилась. Так я себя обычно чувствовала под взглядом Большаковского.

– Подожди меня, я тебя провожу, – коротко бросил он.

Через пятнадцать минут мы уже целовались в парке, оку-

тывающем дома вокруг Песчаной площади. Было утро, парк был пуст. Только редкие залетные пешеходы шли к метро. Конечно, я была готова и на большее, но и у меня, и у него дома было по старушенции, так что пришлось нам довольствоваться общественно разрешенными частями друг друга, всякими там объятиями, губами, глазами (в его глаза я никак не могла наглядеться). И, конечно же, языками. В смысле, разговорами. Он рассказал мне, что работает в Ямбурге вахтовым методом, по полгода подряд выкачивает из земли газ. Что там средняя температура зимой минус пятьдесят, что на лету там птицыдохнут, но он-то сам к холодам относится нормально. С детства любил на лыжах кататься. Я рассказала, что работаю сутками через двое на полторы ставки в «Скорой помощи» и вот уже двенадцать лет как в Москве. Он мне рассказал, что был женат, но развелся. И что имеет в рукаве дочь, которая осталась с матерью. Что оставил им квартиру в Конькове, а сам теперь временно проживает у тетушки, благо это ему надо всего пару-тройку месяцев в году. Я рассказала, что замужем не была и не собираюсь. Про Чечню, естественно, рассказывать не стала. Я и сама-то старалась ничего не вспоминать.

– Мне кажется, что ты рассказала о себе далеко не все, – задумчиво провел пальцем по моим губам он.

– А что, тебе хочется моей исповеди? – удивилась я.

Он задумался, потом пожал плечами:

– Да нет, не особо. Просто интересно знать, чем ты жи-

вешь. Чем дышишь.

– Живу я нормально, как и все. Капельницы ставлю, уколы делаю. Иногда на месте зашиваю рваные раны. Когда, например, человека нет никакой возможности вытащить из машины. Рассказать, каким швом?

– Стоп! Хватит, я сдаюсь. Таких знаний я могу не вынести.

– Тогда что ты хочешь обо мне знать? Я готова рассказать тебе все, что ты хочешь знать. Спрашивай, – демократично разрешила я, хотя, конечно, мне совершенно не улыбалось честно рассказывать про свои суровые будни. Мало ли, вдруг ему чего не понравится?

– Ты одна? У тебя кто-то есть, кроме меня? – немедленно задал свой сакраментальный мужской вопрос Дима.

Я зажала за спиной фигу. И в самом деле, разве моя вялотекущая связь с Большаковским может считаться актуальной? Тем более что с момента знакомства с Димой я Большаковского не подпускала к себе ближе, чем на расстояние, необходимое для рукопожатия. Что его, кстати, сильно расстраивало.

– Нет. Никого у меня кроме тебя нет. Слушай, а можно я буду называть тебя Митя? – попросила я.

– Ага, вот еще один вопрос, который мне интересен. Что за подлец по имени Дима у тебя был? – улыбнулся он.

– Знаешь, я правда не уверена, что хочу отвечать на этот вопрос. – Вот интересно, почему ему не спросить, что я люблю или кто я по гороскопу. Неужели так уж необходимо ко-

паться в моем далеком прошлом?

– Ладно, – Митя (уже легче!) пожал плечами. Я задумалась. Наверное, он все-таки имеет право знать некоторые подробности моего жизненного пути. Мне же тоже в нем интересно абсолютно все. Я попыталась перебороть внутреннее сопротивление. Душа скакала, норвя уйти в пятки, и требовала, чтобы я молчала как партизан.

«Мне тридцать пять лет, я из Грозного, у меня в целом свете никого и ничего не осталось. Даже того Димы, после которого мне так не хочется вступать в близкие отношения с мужчинами! И вообще подходить к мужикам ближе, чем на пушечный выстрел», – проговорила я про себя несколько раз.

Митя смотрел на мое напряженное лицо. Но стоило мне открыть рот, как из него выпало всего лишь:

– Он – мой бывший. Бросил меня, а мы с ним были вместе довольно долго.

– Все как всегда, – крикнул Митя. Кажется, это его вполне устроило, потому что вопросы он задавать перестал. К слову сказать, он был из тех, кто больше любит поговорить сам. И ему действительно было что рассказать. Одна его работа чего стоила, все эти ледяные пустыни, где не выживает никто, кроме русского мужика, заряженного стаканом чистого спирта. Он показывал мне фотографии своей дочурки, которой было пять лет.

– Почему вы развелись? – из вежливости поинтересова-

лась я. Ну, ладно, ладно. Из любопытства. Ай, ну хорошо! Мне было необходимо это знать!

– Потому что у нее был другой. А этого я терпеть не готов. Ни от кого! – кажется, он даже сжал кулаки.

Какой собственник, надо же! Правильно я не сказала про Большаковского.

– Хорошо-хорошо! – подняла руки я. – Я буду только твоя. И ничья больше. Хочешь?

– Конечно! – расплылся в улыбке Митя.

Я счастливо улыбнулась. Давно мне не было так хорошо. Это было настоящим. Я чувствовала это всей своей женской натурой, а натура не ошибается. Мы встречались каждый день, не вылезали из постелей друг друга, старались при любом удобном случае сплавить одну из старушек погулять (пусть даже зная, что наш роман обсуждается всем двором) – разве все это не говорит о серьезных отношениях? Конечно же, да! Только одно висело над нами черной тучей. Скоро ему надо было уезжать. Мы не говорили об этом, но помнили. И я не знала, как мне быть, если с его отъездом на нашей истории будет поставлен крест. Я не знала, что он думает, а спросить боялась. Вдруг он просто отшутится от меня, скажет что-нибудь легкомысленное и ничего не значащее. Тогда я буду знать, что наш невероятный роман – обман. А к этой мысли я еще не была готова. Единственный раз в жизни мне повезло встретить мужчину, от которого так и веет теплом и счастьем...

– Все это неважно, – твердила я сама себе, как мантру. Но пила я теперь только земляничный ройбуш, потому что именно этот запах будил в моей голове такие воспоминания... И на работе я смотрела мимо своих коллег. Главным образом, мимо Сашки Большаковского. Чего не сказать о нем самом. С тех пор, как я отменила наши посиделки в комнатах отдыха (хотя вернее было бы сказать «полежалки»), он ходил вокруг меня голодным волком и, если честно, назойливо доставал своим вниманием. Я не устраивала ему сцен, не рвала отношения и не просила перейти в другую смену. Мне казалось, что и без того ясно – между нами все кончено. Однако он, видимо, был иного мнения.

– Скажи, ты что, завела себе другого? – все время спрашивал меня он. Мораторий на сексуальные контакты действовал вот уже полтора месяца.

– Ты знаешь, мне стало мало одного тебя.

– Да что ты, – озверел он. – И что ж такое я не могу, чего тебе не хватает?

– Ты что, ревнуешь? А кто мне говорил, что больше всего ценит свободные отношения без обид, ревности и обещаний? – я дословно цитировала его же собственные слова. Только вот в моем исполнении они ему нравились несколько меньше. Чертовы собственники!

– И что же, кто он? Хоть расскажи, – выспрашивал он.

– А зачем? Я же все равно к тебе не вернусь, – я смеялась. – А может, вернусь. Как пойдет. Подождать не можешь?

– Подождать? – нахмурился Большаковский. Я могла бы догадаться, что ждать – не мужской конек. Мужчинам более свойственно все разрушать.

К концу июля Митин отпуск подошел к концу. Его отъезд уже не был туманной угрозой. Он во весь рост стоял передо мной, пугая до синих чертей. Все полтора месяца мы не могли оторваться друг от друга. Мы успели перегулять весь наш район вдоль и поперек. Мы поговорили обо всем на свете, мы обменялись обещаниями, связанными с его будущим приездом, но я не представляла, как буду без него жить. Он еще не уехал, а мне уже не терпелось написать ему письмо. Я не хотела думать, что не увижу его теперь полгода. Митя тоже хмурился, подсчитывая оставшиеся дни. Нам было трудно продержаться друг без друга сутки моей смены, а тут полгода.

– А знаешь, когда я приеду, тут будет самая настоящая зима. И мы съездим в настоящую русскую баню. Хочешь?

– С тобой?

– Ну а с кем? – Он ласково обнимал меня за плечи, и мы мечтали, как будем голышом нырять в прорубь (хотя я никогда бы на это не решилась, бр-р-р), а потом, под крышей деревянного сруба, натопленного березовыми дровами, он возьмет меня вот так, и так, и еще эдак... Я таяла и забывала обо всем.

– Ты меня не забудешь? – спрашивала его я. Между прочим, это была еще одна моя заповедь: никогда не спраши-

вать мужчину, будет ли он меня помнить. Н-да, с Митей все заповеди вылетели в трубу.

– У меня практически нет шансов тебя забыть, ведь в Ямбурге женщины днем с огнем не найдешь.

– Ни одной? – удивилась я.

– Ну, если не считать телеграфистку, в сравнении с которой Полина Ильинична – аленький цветочек, – заверил меня он.

Я считала дни и часы, оставшиеся до расставания. Мы все возможное время проводили вместе, он ждал меня у трамвайной остановки или приезжал прямо к воротам подстанции.

– Не хочу терять времени, – объяснял мне он, а у меня не хватало силы воли противиться такому сближению. Я и сама хотела смотреть на него не отрываясь.

Но жизнь шла своим чередом, и я никак не могла обойти стороной свою работу. Однажды мы сильно задержались из-за смерти подростка, любителя острых ощущений. Смерть – всегда ЧП, тем более если ее констатация проводилась линейной «Скорой», на которой никому не положено умирать. Старшим в той смене был, естественно, Большаковский.

– Твою мать! – разорялся Саша, глядя на труп наркомана, которого (по предварительному диагнозу) неправильно укололи адреналином. Я размашисто заполняла бланк констатации смерти. Погибшему было девятнадцать лет, он лежал на полу кухни совершенно как живой. Молодой парень высоко-

го роста, мечта девчонок. В таких случаях даже нам, выдавшим виды врачам, становится не по себе. Когда я вижу молодежь, занятую исключительно разрушением собственной жизни, на меня снова накатывает чувство нереальности. Я видела людей, которым не хватало совсем чуть-чуть, чтобы сохранить жизнь, и знала, что жизнь – самое дорогое. И всякий раз меня потрясало, что на свете есть люди, добровольно отвергающие этот дар. Их бы в Грозный, в девяносто третий год. Или хотя бы с нами, покататься по городу.

– Что мы можем сделать? Он ведь уже был мертв! – я тихонько шептала, пыталась как-то вывести из ступора коллегу. Причиной смерти стала инъекция адреналина, вызвавшая разрыв сердца. Наркоманы, его коллеги по баяну,⁸ видимо от особой одаренности, вкололи в вену ампулу адреналина, предназначавшегося исключительно для внутримышечных инъекций. К нашему приходу он уже минут пять как умер. Но даже примчись мы раньше...

– Кто вас просил? Кто? – Саша рассматривал перепуганных наркош, как будто перед ним были редкие и очень ядовитые змеи. – Научились колоть, так что, нету мочи сдерживаться?

– Мы думали... У него была астма... – бубнили подростки, пряча руки в карманы грязных бесформенных балахонов.

– И что?

⁸ *Баян* – просторечное название шприца, принятое в среде наркоманов.

– Он сам сказал! Прохрипел и дал ампулу, – оправдывался тот, что сделал укол. Продолжать дискуссию было бесполезно, так что мы вызвали милицию, передали информацию на центральный пульт и уехали. По дороге молчали. Настроение, сами понимаете, ни к черту. Да еще предстояло на летучке, утреннем совещании у главврача, объясняться по поводу инцидента. Потому что смертность – это плохо, ПЛОХО! И наплевать, что парень был уже мертв к нашему приезду. В вызове значилось – без сознания. Так что объясняйте, дорогие доктора, почему не сумели договориться с Господом Богом о том, чтобы клиент скончался в клинике. Отчетность, отчетность портите...

– Маш, слушай, ты сама-то как? – очнулся от грустных раздумий Саша.

– Я-то? А чего мне сделается? – пожала плечами я.

– Ну все-таки...

– И к тому же ты старший, так что с Карликом тебе объясняться!

Попытка пошутить не возымела действия. Саша подошел ко мне и принялся целовать. Налетел он на меня как-то неожиданно, я сначала даже растерялась. Но попыталась вырваться из его объятий. Побывав в Митиных руках, я вдруг стала ощущать себя ценностью, хрупкой и очень важной, нужной. С чего бы это какой-то Большаковский трогает руками то, что ему не принадлежит? Пусть целуется с супругой!

– Что ж такое? – недовольно отлез Саша. – Сколько же можно. Что, у тебя там любовь, что ли?

– Слушай, а тебе-то что? – разозлилась я.

– Знаешь, я тоже чувствую себя дураком! – вдруг выдал Большаковский. – Ты для меня все-таки не чужая.

– Интересно, откуда столько патетики? – меня прорвало. – Или мы дали друг другу обеты верности? Что, я всю жизнь должна довольствоваться случайным сексом с тобой?

– А ты ждешь настоящей любви? Кажется, ты это уже один раз проходила. Или тебе мало? Хочешь, чтобы тебя еще разок перекинули через колено? Я тебе по крайней мере не вру и не даю неисполнимых обещаний. А он? Что, уже предложил пожениться? Если и так – врет, имей в виду.

– Что ты ко мне лезешь? Ты же ничего не можешь понимать! – я тоже разоралась.

– Что тут понимать? Надоел я тебе? Захотелось смены впечатлений?

– А что тут такого? Разве ты сам не так поступаешь?

– Слушай, не кипятись. Просто я по тебе скучаю, – примирительно приобнял меня Саша. Я так устала от эмоциональных бурь, что с удовольствием прекратила этот бесполезный спор. В конце концов, как ни крути, а действительно Саша Большаковский мне не чужой человек.

А потом на летучке наш Карлик, Геннадий Дмитриевич, наш главврач, распинал нас с ним за гибель наркоши. Вообще-то Карлик был неплохим руководителем. Надо признать,

что без причины он никого не гнобил и был способен прислушаться к чужим проблемам в случае, если они не создавали ему собственных. Однако ругаться на пятиминутках мог самозабвенно, а более всего любил подобострастное подчинение, в связи с чем искренней любовью подчиненных не пользовался, а напротив, создавал атмосферу страха, подсиживания и стукачества. Впрочем, на других подстанциях бывало и хуже. Все они – главврачи, заведующие и т. п. – пришли в наши руководители прямо из рядов Вооруженных сил. Почему у нас во главе стоит такое количество военных – этого никто не может объяснить. Видимо, один раз проложив денежно-откатный канал, всех руководителей назначать стали, используя один и тот же источник и способ. Так что наш Карлик был не самым плохим вариантом.

Однако на сегодняшней пятиминутке нас не могло ждать ничего хорошего. Смерть на вызове – это все-таки ЧП. Никто не застрахован огрести на смене что-то в этом духе, особенно сейчас, когда героин можно купить так же, как малосольные огурчики, у бабушек, стоящих возле метро. Естественно, с подстанции я выходила вместе с Большаковским.

– Значит, ты все решила? – спросил он, возвращаясь к прерванному летучкой разговору.

– Ничего я не решила. Чего тут решать, когда все и так понятно, – вздохнула я. Дальше я хотела, по традиции хорошего кино, предложить Большаковскому остаться друзьями, но меня прервали.

– Привет, Маша. Чего ты не решила? – раздался радостный голос за моей спиной.

Я замерла, словно бы меня превратило в соляной столп. Интересно, как он мог понять мои слова?

– Митя? – жиденько выдавила из себя улыбочку я. Как я могла забыть, что он может меня встречать прямо у ворот? Это все проклятая летучка.

– Кто это? – поинтересовался Большаковский. В глазах заблестел живой интерес. Это мне совсем не понравилось.

– Я – Дмитрий, очень приятно. А вы? – Митя протянул Большаковскому руку.

– Это он? – прищурился тот.

– Я-то? Я, конечно же, он, – с готовностью кивнул Митя. Его голубые глаза сощурились. Любезное выражение сползло с лица, как кисель.

– Ага, значит, это из-за него я вынужден терпеть твою придурь. И что, ты думаешь, он сможет тебе что-то предложить, кроме секса? – громче, чем я бы хотела, спросил Саша.

– Иди ты в баню! – я была готова разрыдаться. Просто не верится, что все это действительно происходит. Да как он смеет!!!

– Мне кажется, кто-то тут лишний, – пробормотал Митя. – И скорее всего, я.

– Именно! – с готовностью кивнул Большаковский.

Я стояла с распахнутым ртом, не в силах выдавить из себя достойный ответ. И ведь можно было сказать, что он сошел с

ума. И напомнить ему, что мы давно расстались. Или вообще плюнуть ему в лицо и... или... или дать по морде, чтобы не порочил меня перед самым важным для меня мужчиной. Но я молчала. Кажется, я даже перестала дышать от ужаса.

– Ничего мне не хочешь сказать? – спросил меня Митя. Я сглотнула слюну и побежала за ним, как червяк на веревочке. И вздохнула, говоря, что у меня с Большаковским ничего нет, и не было, и не будет.

– Честное слово! – клялась ему я.

– Это просто в глаза бросается, – процедил Митя. – Может, у тебя и со мной ничего нет?

– Есть! С тобой есть!

– И когда ты с ним в последний раз ничего не имела? – ехидно поинтересовался Митя.

Я опустила глаза. Действительно, в последний раз – это всего лишь за один день до знакомства с Митей.

Мы уже вошли в вагон трамвая.

– Но я действительно порвала с ним, как только мы познакомились. Он никогда и ничего для меня не значил. Неужели это так трудно понять? – Мне казалось, что я говорю понятные и правильные вещи. Но Митя только багровел.

– Я понимаю только одно – ты мне солгала.

– Я? – опешила я.

– Именно. Я тебя спрашивал, одинока ли ты. Почему бы не ответить мне, что у тебя был любовник? Что такого? Я бы понял! По крайней мере это было бы честно. Но ты соврала.

Соврала! Все вы врете!

– Ничего я не врала! – заорала я на весь трамвай. Пассажиры оглядывались и старались перейти в другую половину вагона. – Он действительно никем мне не был.

– Да что ты! Значит, ты была совершенно одинока. Так только, немножко спала с коллегами. Так, что ли? – возмутился он. А я покраснела, потому что все примерно так и было. Комси-комса. И что, меня нельзя понять?

– Я просто хочу сказать, что ты был для меня важнее...

– Ну, спасибо. Утешила. Я, значит, первый в очереди! Отлично! Знаешь что, дорогая. Спасибо за чудесный секс. Но больше не надо. Если что, сниму проститутку!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.